

Имв. изуч.

С. 101-102
2/1

КУЛЬДЖИНСКІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

ПОГРАНИЧНОЙ

СЪ

КИТАЕМЪ ПОЛОСЫ

И. СЕЛИЦКІЙ.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета

1905.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь К. Харламовичъ.

3938444

2007042140

КУЛЬДЖИНСКІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ПОГРАНИЧНОЙ СЪ КИТАЕМЪ ПОЛОСЫ.

(Экономическо-этнографическіе очерки и бытовая жизнь джаркентскихъ таранчей и дунганъ).

Прошло уже два десятилѣтія послѣ заключенія петербургскаго договора съ Китаемъ 12 февраля 1881 г., возвратившаго, какъ извѣстно, вѣтайцамъ кульджинскій районъ, занятый русскими войсками послѣ мусульманскаго возстанія и сверженія тамъ китайской власти въ 1871 году.¹⁾

Присоединеніе илійскаго края въ Небесной имперіи вызвало переселеніе большей части туземцевъ кульджинскаго района въ русскіе предѣлы, а именно—въ пограничную семирѣченскую область, въ трехъ уѣздахъ которой (джаркентскомъ, вѣрненскомъ и, отчасти, пишпекскомъ) и осѣла послѣ договора 12 февраля пятидесятитысячная масса туземныхъ жителей. Кульджи—таранчей, дунганъ и киргизовъ²⁾.

¹⁾ Самый городъ и крѣпость Кульджа заняты были русскими войсками, подъ начальствомъ генерала Колпаковскаго, 22 іюня 1871 г.

²⁾ Часть дунганъ, до 3000 душъ обоего пола, поселилась еще ранѣе (въ 1877 г.) въ иссыкъ-кульскомъ (нынѣ пржевальскомъ) уѣздѣ; но это—невольные выходцы изъ Кашгара, искавшіе русскаго покровительства послѣ занятія послѣдняго китайцами, а потому объ нихъ здѣсь не будетъ и рѣчи.

Это переселеніе народа, въ большинствѣ бѣднаго и неразвитаго, произошло не болѣе какъ въ годъ времени, и устройство переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ составляло своего рода эпоху въ жизни одной изъ нашихъ окраинъ, освѣтить которую, хотя бы нѣсколько и лишь со стороны ознакомленія съ бытомъ перешедшихъ къ намъ народностей, мы и рѣшаемся въ настоящей статьѣ, дополнивъ нѣкоторыми свѣдѣніями о приграничной жизни и событіяхъ на китайской сторонѣ.

Г Л А В А I.

Таранчи — земледѣльческій народъ (названіе происходитъ отъ слова терибъ — „воздѣлывать землю“) тюркско-татарской расы, смѣшанной въ сильной степени съ арийскими элементами. Въ частности кульджинскіе таранчи, огромная часть которыхъ переселилась къ намъ послѣ петербургскаго договора 12 февраля 1881 г., относятся къ потомкамъ тѣхъ 7000 кашгарскихъ мусульманъ, которые выселены были китайцами въ илійскую долину¹⁾ въ 1758 г. для земледѣлія здѣсь и разныхъ услугъ китайскимъ войскамъ.

Кашгарскіе переселенцы были выдворены китайцами въ илійскую долину въ XVIII в. изъ городовъ Кучара, Аксу, Бая, Ярвенда, Кашгара, Хотана, Турфана и др. и были обречены на земледѣльческій трудъ, плоды котораго въ значительной степени уходили на продовольствіе китайскихъ войскъ.

Сообразно преобладающему характеру занятій, за этими мусульманскими кашгарлыками упрочилось названіе таранчей; китайцы же называютъ таранчей хуйзы и наравнѣ съ прочими мусульманами, по носимымъ почетными таранча-

¹⁾ Называемая таранчами «Иля» — долина, по которой протекаетъ р. Или, образуемая изъ р.р. Текеса, Кунгеса и Коксу и впадающая въ озеро Балхашъ. Собственно илійской долиной называется мѣстность отъ верховьевъ рѣки до укр. Борохузирь (станція Голубевская).

ми чалмамъ, — чанту, а калмыки зовутъ, какъ и всѣхъ мусульманъ, — котанъ. Между самими таранчами въ ходу далеко непочетное прозвище относящихся къ этой народности субъектовъ — ага чъ-кулакъ, т. е. „деревянное ухо“. Прозваніе это дано таранчамъ будто бы Мацзумъ-Ханомъ, который, разсердившись на непониманіе таранчами его словесныхъ распоряженій, и назвалъ ихъ „деревянными ушами“. Дунгане (собственно по тюркски турганъ — „оставшійся“) называются китайцами ся о-ч жо — „младшее населеніе“, а сами себя именуютъ хой-ху. По преданію дунгане — потомки отсталыхъ воиновъ арміи Тамерлана.

По возвращеніи Кульджи, въ силу трактата 12 февраля 1881 г., китайцамъ, илійскіе таранчи и дунгане перешли въ семирѣченскую область, первые въ числѣ 11 слишкомъ тысячъ семей и вторые — до 1500 семей, гдѣ и предались обычнымъ своимъ мирнымъ занятіямъ — земледѣлію, огородничеству, садоводству и, отчасти, торговлѣ ¹⁾.

Таранчи и дунгане по вѣроисповѣданію одинаково мусульмане, но къ воспріятію ислама каждая изъ этихъ народностей, въ массѣ, относится различно. Это зависитъ отъ извѣстной степени распространенности и вліянія мѣстнаго мусульманскаго духовенства въ жизни той или другой народной среды. Многочисленность личнаго состава и разнообразіе ранговъ духовной іерархіи утвердилось исторически за таранчами.

Во время владычества китайцевъ и при управленіи кульджинскаго султана во главѣ духовенства у таранчей стоялъ „Казы-калянъ“ (высшій судья). За нимъ слѣдовалъ

¹⁾ Обстоятельныя свѣдѣнія о ходѣ переселенія и первоначальномъ устройствѣ въ Семирѣчьи таранчей и дунганъ находятся въ приложеніи къ одному изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ семирѣченскаго военнаго губернатора въ восьмидесятыхъ годахъ. (Пантусовъ. 1881 г.)

„Мухтасишъ-ахунъ“, не исправлявшій никакихъ требъ, но только преподававшій народу, при случаяхъ, нравственныя назиданія и совѣты. Для торговцевъ и ремесленниковъ (точнѣе—промышленниковъ) существовали особые ахуны (сагипъ-такбиръ), дававшіе благословеніе предъ началомъ коммерческаго или промышленнаго предпріятія. Существовали особыя духовныя лица, предупреждавшія о сборѣ зякета и носившія названіе амиль-ахунъ и халифе (имамъ), собиравшія духовенство въ своемъ домѣ (ханавá) по понедѣльникамъ и пятницамъ для душеспасительныхъ бесѣдъ.

Послѣ петербургскаго договора съ Китаемъ 12 февраля 1881 г. выселившіеся изъ илійскаго края въ предѣлы нынѣшняго джаркентскаго уѣзда таранчи имѣютъ, для управленія духовными дѣлами, имамовъ, отъ которыхъ, кромѣ обыкновенной грамотности и достаточной подготовки къ объясненію общедоступныхъ изреченій духовныхъ книгъ, ничего не требуется въ смыслѣ учевости. Въ значительныхъ по населенію обществахъ и имамъ бываетъ пообразованнѣе, чѣмъ въ бѣдныхъ и малочисленныхъ таранчинскихъ приходахъ. По религіознымъ вопросамъ имамы пользуются у населенія приличествующимъ вліяніемъ, но въ общественно-мірскія дѣла не вмѣшиваются, хотя таранчи и въ частномъ семейномъ быту съ большою охотою и довѣріемъ прибѣгаютъ къ совѣтамъ имамовъ.

Въ духовной іерархіи дунганъ на первомъ планѣ стоятъ мударрисъ-ахунъ и имамъ. Послѣдній обыкновенно обучаетъ въ школахъ и совершаетъ общественныя служенія. На случай отсутствія мударрисъ-ахуна и въ помощь ему избирается (всѣ духовныя должности у дунганъ замѣщаются по выбору общества) муфти-ахунъ и для призыва къ молитвѣ азаномъ-муэдзинъ.

Образованіе свое духовныя лица получаютъ у главнаго ахуна и другихъ мѣстныхъ книжниковъ.

Никто изъ мусульманскихъ духовныхъ лицъ не получаетъ никакого опредѣленнаго содержанія ни отъ обществъ, ни отъ частныхъ лицъ, и пастыри довольствуются лишь добровольными приношеніями въ видѣ ошур¹⁾, фитра²⁾ и зякета³⁾. Требоисправленія оплачиваются только въ двухъ случаяхъ: при свадьбѣ и похоронахъ. При самой богатѣйшей свадьбѣ платятъ за совершеніе обряда до 100 рублей, средней отъ 10—20 руб. и бѣдной—отъ 3 руб. Плата за требоисправленіе вносится большею частью не деньгами, а матой (бумажная среднеазиатская твань), ситцами, хлѣбомъ и т. п. При совершеніи обрѣзанія (съ 7-лѣтняго возраста) духовныя лица платы не получаютъ, а таковая, въ размѣрѣ по усмотрѣнію главы семьи, идетъ сатрашу (собственно чачь-тарашъ), совершающему операцию (суннетъ, миллетъ) и дѣлается небольшой подарокъ учителю обрѣзываемаго субъекта.

Если таранчи склонны подчиняться чьему-либо моральному вліянію и болѣе или менѣе исправно исполнять обрядности мусульманской религіи, то далеко нельзя сказать этого о дунганахъ, такъ какъ въ массѣ они не поддаются подвѣяннію своихъ ахуновъ и лишь болѣе солидные по лѣтамъ и положенію усердствуютъ на обычныхъ моленіяхъ.

Самымъ важнымъ постомъ считается Рамазанъ, продолжающійся ровно 30 дней⁴⁾. Предъ Рамазаномъ бываетъ постъ Баратъ, начинающійся ровно за мѣсяць до Рамазана, а предъ Баратомъ—Раджепъ.

¹⁾ Отчисленіе въ пользу духовенства извѣстной части хлѣба изъ новаго урожая.

²⁾ Равдача, по оканчаніи Рамазана, милостыня бѣднымъ и духовнымъ въ мечети на сумму по стоимости 5 фунт. пшеницы.

³⁾ Ежегодное отчисленіе части имущества духовенству, бѣднымъ, больнымъ и т. п.

⁴⁾ Но, въ нѣкоторые годы, луна появляется уже на тридцатый день и самый постъ, такимъ образомъ, сокращается до 29 дней.

Во время послѣднихъ двухъ постовъ соблюдаютъ только первые три дня и еще столько-же послѣ первой половины мѣсяца. Въ 13-й день Раджепа постятся и усиленно молятся въ надеждѣ, что за подвиги въ этотъ день простятся всѣ грѣхи. На самомъ дѣлѣ большинство таранчей, впрочемъ, празднуютъ только 15-й день Барата и 13-й Раджепа и самое празднованіе выражаютъ молитвою и подачею милостыни. Еще особенно почитаются, какъ праздники, дни рожденія и смерти Магомета, когда, послѣ заката солнца, зажиточные таранчи приглашаютъ къ себѣ родныхъ, знакомыхъ и духовное лицо, по прочтеніи коимъ молитвы бываетъ угощеніе.

Во время Рамазана начинаютъ ѣсть ежедневно только послѣ заката солнца, а въ послѣдній разъ предъ восходомъ¹⁾; въ остальное время сутокъ постятся ничего не ѣдятъ, воды не пьютъ, табаку не жуютъ и проч.—Исключенія дозволяются для больныхъ, стариковъ и дѣтей: послѣднимъ разрешается не поститься—мальчикамъ до 12 лѣтъ и дѣвочкамъ до 9 лѣтъ. Не обязательно соблюденіе поста также для женщинъ, имѣющихъ грудныхъ дѣтей. Взрослые люди, по окончаніи поста и по минованіи тѣхъ обстоятельствъ, которыя не дозволили имъ соблюденіе послѣдняго, обязательно должны поститься столько-же дней, сколько они не постились во время Рамазана.

Во время Рамазана у таранчей на видныхъ мѣстахъ играетъ своя музыка, невозможная для мало-мальски образованнаго уха и производимая колоссальными по длинѣ трубами, желѣзными ведрами (вмѣсто барабановъ) и т. п. удивительными инструментами. Днемъ эта музыка играетъ для ободренія томящихся голодомъ правовѣрныхъ, а ночью—для оповѣщенія спящихъ, что настаетъ часъ послѣдняго закусыванія, а потому „старайтесь и спѣшите всѣ запасться

¹⁾ Вообще до разсвѣта,—во время, называемое «субхъ-садикъ» (араб. сл.)

въ этотъ часъ питаніемъ и силами на слѣдующее, цѣлодневное голоданіе“. Игра на извѣстномъ инструментѣ этого оркестра переходитъ изъ рода въ родъ по наслѣдству въ извѣстной семьѣ отъ дѣдовъ и отцовъ, а сами музыканты (нагаречи) сгруппировываются на жительствахъ даже въ отдѣльныхъ вишлавахъ, или селеніяхъ. Музыканты играютъ во время Рамазана не молитвы, а извѣстныя только имъ самимъ и ими составленныя въ народномъ духѣ пѣсни. За игру нагаречамъ общество ничего не платитъ, а во время розговѣнія зажиточные и почетные люди и ахуны кормятъ ихъ вдосталь, или дѣлаютъ потомъ незначительные подарки—хлѣбомъ, матой (бумажная ткань), ситцемъ, халатами и т. д.

Какъ только появится луна по окончаніи мѣсячнаго поста, т. е. наступитъ моментъ Шавала, всѣ таранчи одѣваютъ почище платье и бѣлье и отправляются въ мечеть, безъ предварительнаго призыва азаномъ, гдѣ совершаютъ моленіе (уаджибъ), потомъ имамъ читаетъ „хутбу“ и обычныя молитвы за умершихъ родственниковъ и о здравіи Царствующаго Дома.

По выходѣ изъ мечети таранчи посѣщаютъ владбища, затѣмъ обѣдаютъ и дѣлаютъ визиты роднымъ и знакомымъ. Празднованіе Рамазана у таранчей продолжается только три дня, тогда какъ татары празднуютъ въ теченіи цѣлой недѣли.—Эти три дня таранчи разъѣзжаются въ лучшихъ одеждахъ и на хорошихъ коняхъ, женщины и дѣти въ телѣгахъ (въ послѣднее время употребительны обыкновенныя русскія телѣги, въ которыя во время праздника усаживается отъ 10 до 12 человекъ), а почетныя особы—въ китайскихъ каретахъ (рѣзная, крытая арба, съ синими занавѣсками), запряженныхъ цугомъ двумя и болѣе лошадьми, при особомъ вожухѣ, ведущемъ переднюю лошадь полъ уздцы. У лицъ богатыхъ и почетныхъ конюхи эти, въ видѣ скороходовъ, маршируютъ и по обѣимъ сторонамъ кареты.

У таранчей во время праздниковъ не бываетъ лошадиныхъ скачекъ на призы (ба й га) съ опредѣленными условіями и на большія дистанціи по той простой причинѣ, что

у нихъ нѣтъ вообще сваяковыхъ лошадей (бѣгунцовъ—джуйрукъ или байгатовъ), да и обыкновенныхъ, рабочихъ лошадей, очень мало, а всѣ полевныя работы производятся при посредствѣ рогатаго скота. Во время праздничныхъ верховыхъ развѣздовъ нѣсколько человѣкъ, на небольшія пари, соглашаются между собою проскакать короткое (версту, двѣ и не болѣе пяти) расстояніе и тѣмъ ограничиваютъ байгу.

Общепринятая мусульманами праздничная игра—улабъ (молоденькій козель) у таранчей не была извѣстна и позавидована ими отъ ковандскихъ и андижанскихъ сартовъ. Фигурирующій здѣсь молодой козель дарится обыкновенно собравшимся на праздникъ однимъ изъ состоятельныхъ лицъ; козлу отрѣзываютъ голову и одинъ изъ наѣздниковъ свачеть съ нимъ верхомъ, а прочіе стараются догнать и отнять козла. У кого послѣдняго, по окончаніи утомительной свачки, останется трупъ козла, тотъ побѣдоносно везетъ его, какъ трофей, на показъ, русской власти, или почетному и богатому лицу изъ туземцевъ, которое и дѣлаетъ побѣдителю посильный подарокъ.

Таранчи особыхъ суевѣрій не имѣютъ, но въ болѣе или менѣе важныхъ случаяхъ своей жизни пытаются провѣдать будущее путемъ, такъ сказать, гороскопическимъ. Такъ, отправляясь въ дальній, при томъ—по особо важнымъ дѣламъ, путь, таранчи спрашиваютъ совѣта муллы и послѣдніе, соображаясь со временемъ рожденія отъѣзжающаго и другими обстоятельствами его предыдущей жизни, дѣлаютъ нѣкоторыя исчисления и даютъ указанія о днѣ выѣзда и возможномъ исходѣ всего путешествія ¹⁾. Въ предсказаніяхъ этихъ муллы руководствуются ильминуджумомъ (ученіе, образованіе по нуджуму), т. е. сборникомъ нравственно-ученыхъ сочиненій.

¹⁾ Всѣ дни мѣсяца, за исключеніемъ 3, 5, 9, 13, 16, 21, 24 и 25 чиселъ, считаются счастливыми (мубаракъ-арабское слово), исключаемыя же числа несчастливыми (нахсъ-арабское слово).

Религіозныя преступленія таранчей преимущественно вытекають изъ нарушенія обязательныхъ требованій мусульманской религіи (фарзовъ), коихъ существуетъ пять, а именно: 1) Признаніе Бога и Его великаго пророка—Магомета; признаніе всего того, что создалъ, по повелѣнію Бога, пророкъ и что изложено въ Коранѣ. 2) Совершеніе ежедневно пяти установленныхъ моленій (намазовъ). 3) Обязательство зявета, т. е. раздача, въ пользу бѣдныхъ, больныхъ единовѣрцевъ и духовенства, извѣстной части своего имущества. Обязательство это у таранчей наступаетъ по скопленіи извѣстнымъ лицомъ имущественнаго богатства, или денегъ, примѣрно на 80 рублей, изъ коихъ въ зякетъ отчисляется $\frac{1}{40}$ часть; при благосостояніи отдѣльнаго мусульманина на меньшую сумму фарзъ зякета не исполняется. 4) Соблюденіе поста Рамазана полностью во всѣ 30 дней. 5) Поѣздка на поклоненіе въ Мекку. Этотъ послѣдній фарзъ становится обязательнымъ послѣ того, какъ мусульманинъ, по приведеніи въ точную извѣстность всего своего имущества, вполне убѣдится, что такового достаточно для расчета со всѣми его кредиторами, для полного содержанія всего остающагося семейства на время поѣздки главы его въ Мекку и на всѣ расходы по этой поѣздкѣ.—При такихъ обстоятельствахъ всякій совершеннолѣтній мусульманинъ обязанъ совершить поѣздку въ Мекку; не обязательно это только для малолѣтковъ, больныхъ и умалишенныхъ. Вдовы могутъ совершать поѣздки въ Мекку только съ сыномъ, братомъ, или зятемъ, а если таковыхъ родственниковъ не имѣется, то для поѣздки въ Мекку онѣ обязаны предварительно вторично выйти замужъ. Дѣвушки, безъ близкихъ родныхъ, тоже не могутъ отправляться въ Мекку на поклоненіе.

За всякое нарушеніе догматовъ своей религіи неумышленно, по незнанію, или невѣжеству, имамы читають провинившимся мусульманамъ очистительную молитву и дѣлають наставленія, какъ бы вновь обращая отступника въ мусульманство. За перемѣну вѣры по шаріату отступники могутъ

быть наказаны даже смертію, при чемъ, если бы вѣроотступникъ убить былъ случайно или предумышленно (например съ цѣлью ограбленія) частнымъ лицомъ, то послѣднему не вѣняется это въ грѣхъ и въ будущей жизни.

Всякое нарушеніе требованій религіи можетъ быть наказуемо только или по непосредственномъ усмотрѣніи этого преступленія самими имамами или-же по удостовѣренію двухъ свидѣтелей. Религіозные проступки на первый разъ всегда ограничиваются со стороны муллъ назидательными бесѣдами и увѣщаніями, но, въ случаѣ рецидивовъ, виновные могутъ быть подвергнуты и наказаніямъ, по шаріату опредѣленнымъ, напримеръ, за неисполненіе ежедневныхъ намазовъ полагается до 41 удара палками, за неисполненіе зякета отъ 40—75 ударовъ и т. д.

По отношенію къ джаргентскимъ таранчамъ встрѣтилось единогласное удостовѣреніе мѣстныхъ ахуновъ о томъ, что особо важныхъ преступленій противъ религіи они среди народа никогда не замѣчали и ни къ какимъ наказаніямъ потому прибѣгать не приходилось ¹⁾. Строго преслѣдуемое вѣроотступничество утвердило за измѣнниками особое названіе—*муртегъ* (слово арабское).

По религіознымъ воззрѣніямъ таранчей почитаются грѣхами слѣдующія проявленія злой человѣческой воли: 1) месть, (хасать), 2) злость (адовать), 3) зависть, соединенная, по понятіямъ таранчей, съ хасатомъ, 4) гордость (такабуръ), 5) сладострастіе (пискъ), 6) лѣность (хурунъ, по арабски кусалыть) и 7) скупость (бахиль), раздѣляемая на 2 части: а) невнесеніе зякета, ошура, фтира, неовазаніе матеріальной помощи родителямъ и ближайшимъ родственникамъ и б) не-

¹⁾ Надо полагать, что это исключительно вліяніе русскаго управленія, не допускающаго гѣлесныхъ наказаній даже по народному суду, а потому аттестація муллъ о поведеніи прихожанъ вѣроятно нѣсколько вынуждена изъ личныхъ опасеній.

оказаніе помощи бѣднымъ и вообще несчастнымъ единовѣрцамъ (хасисъ).

Въ мѣстахъ нынѣшней осѣдлости таранчей на русской территоріи не сохранилось никакихъ священныхъ памятниковъ или урочищъ, особо почитаемыхъ народомъ съ религіозной стороны. Но вблизи границы, на китайской территоріи, верстахъ въ 10 сѣверо-восточнѣе Хоргоса, находится мазаръ-могила погребеннаго здѣсь Тугулукъ-Темиръ-Хана, родомъ изъ калмыковъ. Существуетъ преданіе, что когда Тамерланъ покорилъ калмыковъ, то женился на дочери Тугулука и послѣдній принялъ мусульманство. Теперь на мазарѣ проживаетъ шейхъ, и являющіеся на поклоненіе гробницѣ недужные, больные, слѣпые таранчи приносятъ жертвы—волютъ барановъ. Въ 3—4 верстахъ восточнѣе этого мѣста находится еще мазаръ—могила шейха Магометъ-Садька, происходящаго изъ духовнаго званія. Мазары эти при всякомъ удобномъ случаѣ усердно посѣщаются и русско-подданными таранчами, тѣмъ болѣе, что вблизи ихъ находятся кишлаки таранчей катаяскаго вѣдѣнія, между которыми наши встрѣчаютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ.

У джаркентскихъ таранчей вообще духовныя лица называются имамами, но высшему и единственному во всемъ уѣздѣ, какъ бы начальствующему надъ духовенствомъ лицу, присвоено названіе ахуна.

Во время владычества китайцевъ и при управленіи кульджинскаго султана высшее духовное лицо у таранчей носило названіе Казы-калянъ (верховный судья). Послѣдній изъ носившихъ это званіе Сеидъ Джелалетдинъ, въ 1873 или въ 1874 году, отправился на поклоненіе въ Мекку, но въ пути умеръ и похороненъ въ г. Омскѣ и, по его предсмертной рекомендаціи, таранчинское общество избрало на высшую духовную должность Низаметдина, съ званіемъ ахуна. Предки Низаметдина всѣ были духовнаго званія, а самъ онъ образованіе получилъ въ Кульджѣ, у муллы Мафута, ученика отца Низаметдина.

Въ самомъ Джаркентѣ имѣется до 25 имамовъ, а въ каждомъ изъ таранчинскихъ селеній отъ 2 до 3, изъ коихъ одинъ считается старшимъ. При китайскомъ владычествѣ у таранчей имамы назначались прямо старшимъ ахуну (Ка-зы-калянъ), а нынѣ они избираются отдѣльными обществами и потомъ приводятся, для испытанія въ религіозныхъ познаніяхъ, къ ахуну, который, такимъ образомъ, утверждаетъ или отклоняетъ избраннаго обществомъ имама.

Мѣстные имамы здѣсь не отличаются особой ученостью, такъ какъ предварительное образованіе они всѣ получаютъ у ахуна, но они обязательно должны быть грамотными и достаточно подготовленными къ объясненію священныхъ книгъ, хотя бы въ переводѣ на тюркское нарѣчіе. Въ значительныхъ по населенію обществахъ и имамъ бываетъ болѣе ученый, чѣмъ въ бѣдныхъ и малочисленныхъ таранчинскихъ приходахъ.

Въ религіозныхъ вопросахъ имамы пользуются безусловнымъ вліяніемъ, но въ общественно-мірскія дѣла не вмѣшиваются; въ частныхъ же семейныхъ дѣлахъ таранчи съ большою охотою и довѣріемъ прибѣгаютъ къ совѣтамъ имамовъ.

Между таранчами религіозное подвижничество встрѣчается рѣдко и здѣсь можно насчитать не болѣе 3—4 человѣкъ, ведущихъ затворническую жизнь и посвятившихъ себя исключительно молитвѣ.—Есть между таранчами особая, незначительная числомъ (до 20 человѣкъ), каста—каляндарей (въ родѣ дувана и дервишей), расхаживающая по улицамъ съ молитвами и питающаяся исключительно милостынею, которую они собираютъ преимущественно въ хорошую погоду и 3 раза въ недѣлю: по средамъ, четвергамъ и пятницамъ. Среди каляндарей одинъ почитается старшимъ (Саба каляндарь) и таковымъ въ девяностыхъ годахъ состоялъ Ша-гу-ай-да, проживавшій въ Джаркентѣ старикъ, лѣтъ околѣ 80-ти отъ роду. Во время владычества китайцевъ

раста календарей изъ таранчинскаго населенія была особенно многочисленна, такъ какъ сюда прямо назначались китайскими властями люди, способные собирать обильныя подаяннiя и дѣлиться ими на пользу якобы казны, но вѣрнѣе— для пополненiя кармановъ мѣстныхъ китайскихъ правителей.—Другихъ какихъ-либо сборовъ деньгами или натурою на содержанiе духовенства у джаркентскихъ таранчей нѣтъ.

Г Л А В А II.

Самымъ большимъ приходомъ считается мечеть, къ которой приписано до 300 семействъ мусульманъ, и самымъ меньшимъ—отъ 10 до 20 дворовъ. Въ самомъ Джаркентѣ насчитывается до 25 мечетей, изъ коихъ всѣ почти представляютъ простые молитвенные дома, не особенно вмѣстительные и безъ какихъ-либо исключительныхъ приспособленiй для общественной молитвы, — даже безъ минаретовъ, замѣняемыхъ устроенными предъ мечетями особыми вышками изъ сырцоваго кирпича, а въ большинствѣ случаевъ азанъ провозглашается просто съ крышъ самыхъ мечетей.

Главная мечеть въ Джаркентѣ построена вмѣстимостью до 4000 человекъ и стоимостью въ нѣсколько тысячъ рублей; прочiя же мечети незначительныхъ размѣровъ и построены по типу обыкновенныхъ домовъ, на добровольныя приношенiя частныхъ лицъ изъ мусульманъ.

По пятницамъ совершенiе моленiй (намазъ-джума) обязательно въ мечетяхъ, или молитвенномъ домѣ, а ежедневныя намазы можно совершать въ степи и на открытомъ воздухѣ.

Въ 1886 году извѣстный старикъ изъ таранчей карамской волости (Абубаэри) на международномъ съѣздѣ въ китайскихъ предѣлахъ, на р. Кегенѣ, гдѣ онъ долженъ былъ

присутствовать по дѣламъ службы, устроилъ подобіе мечети изъ курая (высокая сухая, степная трава) и въ этомъ шалапѣ съ достоюльственнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ совершалъ даже намазъ-джуму.

Въ комнатахъ иновѣрцевъ мусульмане совершаютъ намазы только при отсутствіи на стѣнахъ картинъ съ изображеніями людей и животныхъ: виды и пейзажи не представляютъ препятствій, ибо на нихъ мусульмане смотрятъ, какъ на цвѣты, а совершеніе намазовъ среди послѣднихъ не воспрещается. При наличности картинъ съ изображеніемъ животныхъ моленія совершаются лишь въ тѣхъ случаяхъ, если картины эти находятся позади молящагося, обращеннаго обыкновенно лицомъ на юго западъ, а въ противномъ случаѣ картины завѣшиваются платками или халатами.

Во время общественныхъ богослуженій всѣ молитвы читаются имамами на арабскомъ языкѣ, но частныя лица изъ молящихся повторяютъ ихъ, или читаютъ самостоятельно, на турецкомъ языкѣ.

Ежедневно каждымъ правовѣрнымъ совершается 5 обычныхъ моленій (намазовъ): предъ восходомъ солнца (намазъ бамдадъ), въ первомъ часу дня (пешинь), за часъ предъ закатомъ солнца (дигеръ), послѣ заката солнца (шамъ) и по окончаніи зари (хуфтанъ).

Еженедѣльные общественныя богослуженія совершаются въ мечетяхъ по пятницамъ (намазъ джума) и происходятъ въ такомъ порядкѣ: въ 12 часовъ дня (время намаза пешинь), при возглашеніи *а з а н а* (призывъ правовѣрныхъ съ минарета мечети муэдзиномъ въ молитвѣ), молящіеся собираются въ мечеть и садятся, по азіатски, на полу, впереди-же всѣхъ садится имамъ. Если кто придетъ въ мечеть до начала *азана* и вообще до хутбы, то самостоятельно совершаетъ моленіе 4-мя поклонами: это называется *тахіэти-мазджитъ* (арабское слово).—Имамъ и молящіеся имѣютъ при себѣ четки (*тасбихъ*—слово арабское); четки эти бываютъ малыя и большія: у первыхъ число шариковъ одинаковой ве-

личины должно быть 33 и 34-й большой против прочих, а у больших четокъ число шариковъ 100, изъ коихъ одинъ значительно большей противъ прочихъ величины.

По окончаніи азана молящіеся встають 4 раза на ноги и дѣлають послѣ каждаго вставанія по 2 поклона въ землю, лицомъ на западъ—(н а м а з ъ с ю н н е т ъ). По окончаніи сюннета, муэдзинъ (въ родѣ нашего пономаря) подходитъ къ каедрѣ (м и н б е р ъ) и провозглашаетъ вновь слова азана, но уже тише, чѣмъ предъ началомъ богослуженія, а затѣмъ имамъ всходитъ на каедру, беретъ имѣющійся въ мечети жезлъ (обыкновенная палка, которую имамъ, въ случаѣ неимѣнія въ мечети, можетъ замѣнить обычной вѣлюкою перваго молящагося изъ слабыхъ стариковъ) и начинаетъ читать эктенію (хутба), но на половинѣ эктеніи имамъ садится и читаетъ нѣсколько молитвъ про себя, а затѣмъ встаетъ и окончиваетъ эктенію вслухъ. Въ худбѣ произносятся не всѣ изреченія изъ корана, но воспоминается на арабскомъ языкѣ Всемогущій Богъ ¹⁾, и даются народу назидательныя наставленія отъ имама изъ поучительныхъ и глубоконравственныхъ книгъ. Съ окончаніемъ хутбы имамъ сходитъ съ каедры, къ которой приближается муэдзинъ и снова провозглашаетъ азанъ, называемый т а в б и р ъ, а имамъ встаетъ впереди молящихся и дѣлаетъ 4 поклона въ землю (ф а р з ъ) и потомъ, вставая 4 раза на ноги, послѣ каждаго поднятія дѣлаетъ по 2 поклона (р и в а а т ъ), повторяя потомъ сюннетъ, послѣ котораго повторяетъ столько-же подниманій и поклоне-ній. Это будетъ второй ф а р з ъ, допускаемый съ цѣлью усилить и сдѣлать дѣйствительными предъ Богомъ всѣ предыдущія моленія. Затѣмъ еще встають два раза на ноги дѣлая послѣ каждаго по 2 поклона (т р е т і й с ю н н е т ъ) послѣ чего имамъ обращается лицомъ къ народу и молящіеся, перебирая четки, читають про себя молитвы, съ окончаніемъ коихъ одинъ изъ учениковъ, готовящихся на духовныя

¹⁾ А также пророкъ Магометъ, четыре сподвижника его (чагаръ-яръ) и др. пророки.

должности, воспоминаетъ умершихъ родныхъ, молящихся и добрыхъ благотворителей и вообще оставившихъ по себѣ въ народѣ хорошую память людей.—Въ заключеніе имамъ провозглашаетъ моленіе о здравіи Государя Императора и всего Царствующаго Дома и этимъ заканчивается общественное богослуженіе.

Отдѣльныхъ школъ у джаргентскихъ таранчей нѣтъ, а первоначальное образованіе дѣти ихъ получаютъ въ медресе при мечетяхъ. Въ самомъ Джаргентѣ находится до 20 мечетей, при которыхъ отведено по 2 комнаты для медресе. Въ каждомъ селеніи (кишлакѣ) при мечетяхъ также имѣются школы. При нѣкоторыхъ мечетяхъ обученіемъ занимаются сами имамы, а въ большинствѣ случаевъ контингентъ учителей формируется и восполняется изъ учениковъ ахуна, достаточно уже подготовленныхъ въ медресе при главной джаргентской мечети. Изъ этихъ же учениковъ выбираются по два въ каждое селеніе,—одинъ съ званіемъ хати́па, а другой—казі́я. Обязанность перваго состоитъ въ исчисленіи послѣ смерти каждаго мусульманина лѣтъ его жизни и тѣхъ уклоненій и нарушеній религіи, кои допустилъ покойный за всю свою жизнь; сообразно же сему казі́й опредѣляетъ ту часть изъ оставшаго послѣ смерти умершаго имущества, которая, смотря по продолжительности его жизни и содѣяннмъ грѣхамъ, должна быть, для очищенія отъ послѣднихъ, употреблена на добрыя дѣла (помощь бѣднымъ, духовенству, за моленіе и т. п.). Часть эту и скатъ) при жизни можетъ указать всякій правовѣрный самъ и тогда родственники, послѣ смерти его, должны выдать ее безпрекословно, не прибѣгая уже къ авторитетности и вычислениямъ хати́па и казі́я.

Медресе существуетъ для дѣтей обоого пола, но только до 9-ти лѣтняго возраста учащихся, послѣ чего обязательно раздѣленіе половъ. Первоначально въ школу поступаютъ обыкновенно дѣти съ 5-ти лѣтняго возраста. Дѣти бѣдныхъ родителей продолжаютъ курсъ обученія въ медресе отъ 2 до 3

лѣтъ и затѣмъ выходятъ, научившись только мало-мальски читать и писать и не будучи нисколько посвящены въ премудрость духовныхъ книгъ; молодые-же люди, готовящіяся въ духовное званіе, обучаются почти десятилѣтній періодъ времени.

Опредѣленной платы за ученіе въ медресе не полагается, но еженедѣльно по четвергамъ, послѣ утреннихъ занятій (обыкновенно школьныя занятія въ медресе продолжаютъся отъ 9 до 12 часовъ дня и съ часу до заката солнца), дѣти распускаются по домамъ, съ увольненіемъ отъ вечернихъ занятій, и тогда, какъ бы въ благодарность за доставленный отдыхъ, ученики даютъ учителю каждый по нѣсколько копѣекъ (большинство отъ 3 до 4 копѣекъ, а нѣкоторые до 20 коп.). Когда, обучившись чтенію, ученики прочитаютъ одну книгу и приступаютъ къ прочтенію другой (разумѣется религіозно-нравственнаго содержанія), то родители дѣлаютъ учителю небольшой подарокъ. Это напоминаетъ блаженной памяти бывшій у насъ обычай, когда родители обучающихся у руководителей изъ высшаго духовенства, или у смиренныхъ начетчицъ изъ старыхъ дѣвъ дѣлали подарки и особое угощеніе учителямъ при переходѣ мальчика отъ часослова на чтеніе псалтыри и т. д. Порядокъ обученія въ школахъ при таранчинскихъ мечетяхъ начинается, разумѣется, съ азбуки и чтенія; выучившись читать, сейчасъ же начинаютъ затверживать основныя догматы своей религіи, въ родѣ краткаго катехизиса, а потомъ уже приступаютъ къ изученію письменности.

Уроки школьникамъ на текущій день задаются утромъ, а вечеромъ учитель поочередно испытываетъ всѣхъ въ знаніи этихъ уроковъ.

Школы представляютъ изъ себя обыкновенныя таранчинскія жилия комнаты, безъ всякихъ спеціальныхъ приспособленій: ученики всѣ сидятъ на полу, вытверживая каждый свой урокъ вслухъ, отчего для непривычнаго уха получается невыносимая дисгармонія. Послѣ намаза д и г э р ь школьни-

камъ дается часовой отдыхъ, а потомъ занятія продолжаются до заката солнца. Предъ окончаніемъ вечернихъ занятій учителемъ дѣлаются религіозныя наставленія и читается общая молитва, для призыва къ которой старшій изъ учениковъ залѣзаетъ на крышу и провозглашаетъ азанъ, исполняя, такимъ образомъ, обязанность муэдзина.

Число грамотныхъ въ туземномъ населеніи джаркентскаго уѣзда крайне незначительно и составляетъ а) у таранчей немного болѣе 1% и б) у дунганъ 0,5%.

Г Л А В А III.

Таранчи могутъ вступать въ бракъ свободно съ женщинами разныхъ народностей, но обязательно мусульманскаго вѣроисповѣданія, т. е. съ татарками, дунганками и т. п. Брачнымъ возрастомъ для дѣвочекъ у таранчей признается даже 9-ти лѣтній, а для мальчиковъ 12-ти лѣтній. Впрочемъ, если сватовство затѣвается съ очень молодой дѣвушкой, то и у таранчей родители ея, прежде какого либо рѣшенія, основательно соображаютъ физическое развитіе и относительную возмужалость невесты. Никакого предѣльнаго старческаго возраста нѣтъ и для вступленія въ союзъ брачующимся не возбраняется достигать внушительной цифры сочетанія ихъ возрастовъ хотя бы и не въ одну сотню лѣтъ...

По степенямъ родства браки у таранчей возбраняются только въ слѣдующихъ случаяхъ: не могутъ жениться—дѣдушка на внучкѣ, отецъ на дочери, братъ на сестрѣ и дядя на племянницѣ; но дѣти родныхъ братьевъ могутъ быть свободно обвѣнчаны. Не дозволяется также вступать въ бракъ съ мачихою и снохою, но на свояченицѣ жениться можно только послѣ смерти первой жены—ея сестры.

Задумавшій жениться таранчинецъ выбираетъ сватовъ изъ своихъ родственниковъ, если послѣдніе въ хорошихъ отношеніяхъ съ родителями невесты, а въ противномъ случаѣ жениху приходится упрашивать вести переговоры родственниковъ невесты. Судьба жениха испы-

тывается сначала крайне осторожно через переговоры с родителями невесты одного только лица, а когда последнее возвратится с ободряющими вѣстями, то женихъ засылаетъ уже 5—6 официальныхъ сватовъ, кои, по прибытіи къ отцу невесты, послѣ обычныхъ привѣтствій, садятся и объявляютъ, что такой то (имя жениха) желаетъ быть сыномъ хозяина, а такой то (имя отца жениха) желаетъ съ хозяиномъ дома, въ которомъ находятся въ то время сваты, породниться, съ чѣмъ сваты наличнаго главу семейства поздравляютъ и читаютъ благодарственную молитву. Послѣ этого хозяинъ дома предлагаетъ да старханъ (угощеніе сладостями, фисташками, миндалемъ и т. п.), чай и потомъ между нимъ и сватами происходитъ веселая и оживленная бесѣда, какъ между людьми во всемъ довольными другъ другомъ, и съ этого времени избранная дѣвица считается окончательно просватанною. При этихъ переговорахъ женщины не присутствуютъ и если бываютъ когда со стороны жениха еще свахи, то онѣ угощаются отдѣльно на женской половинѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сватовства довѣренные отъ жениха люди договариваются о приданомъ и о томъ, что должно быть заведено со стороны жениха. Обязательныхъ вещей и на какую-либо опредѣленную сумму при этомъ не выговаривается, а каждый заводитъ, что можетъ, преимущественно изъ одежды.

Въ день вѣнчанія приглашаются и собираются въ домъ родителей невесты родственники брачующихся и почетные гости. Когда всѣ соберутся, то изъ числа ихъ избираются 4 человека самыхъ уважаемыхъ, почетныхъ людей, изъ коихъ 2 отправляются къ жениху и 2 къ невестѣ для вопроса ихъ о взаимномъ согласіи на вступленіе въ бракъ. Послѣ подтвержденія возвратившимися избранными лицами согласія жениха и невесты избираются еще два довѣренные человека и обсуждаютъ магэръ (расходы жениха по свадьбѣ, на обзаведеніе, а равно и неустойка на случай оставленія будущимъ мужемъ своей жены) и окончательно выясняютъ, что

уже выполнено женихомъ въ счетъ магэра и сколько еще остается за нимъ. Затѣмъ въ собраніе приглашаютъ жениха и тутъ же обязательно долженъ находиться теперь и отецъ невѣсты, или за его смертію замѣняющее лицо. Тогда имамъ совершаетъ брачную молитву¹⁾ и спрашиваетъ о согласіи жениха вступить въ бракъ съ избранною дѣвицею, а отца послѣдней—о согласіи выдать дочь за предстоящаго въ собраніи жениха. Получивъ удовлетворительные отвѣты, имамъ читаетъ краткую молитву¹⁾ (и д ж а п ъ-к а б у л ъ) и этимъ кончается несложный обрядъ вѣнчанія, послѣ котораго новобрачный удаляется въ свой домъ, если онъ не вступаетъ въ семью тестя, т. е. по бѣдности не беретъ, какъ говорится, „невѣсту съ домою“. Совершившійся бракъ и условія его вносятся въ книгу ахуномъ и подписываются свидѣтелями не менѣе двухъ человѣкъ.

Предъ выѣздомъ новобрачной изъ дома родителей въ семью мужа, происходящемъ, обыкновенно, вслѣдъ за вѣнчаніемъ, собравшіяся женщины поднимаютъ ее на кошмѣ (войлокъ) и подносятъ въ отцу, для принятія благословенія, а затѣмъ сажаютъ на арбу и отвозятъ въ домъ молодого мужа.

У таранчей родители жениха и невѣсты не ведутъ между собою никакихъ предварительныхъ переговоровъ о вступленіи въ бракъ ихъ дѣтей, до достиженія послѣдними опредѣленнаго на то возраста; калымъ (плата за невѣсту) у таранчей также неизвѣстенъ, кромѣ магэра, практикуемаго въ вышеописанной формѣ, уплата коего заработкомъ не допускается. Замѣна магэра выдачею въ семью невѣсты изъ семьи жениха одновозрастной, или младшей дѣвушки, также не допускается.

Всякій бракъ у таранчей, заключенный безъ согласія родителей, считается незаконнымъ и случаи жевитбы, такъ

¹⁾ При совершеніи брака (и и к а х ъ), положенную молитву прочитать можетъ вообще всякое грамотное лицо.

называемымъ, „уводомъ“ подвергаютъ жениха даже наказаніямъ, а именно: если увозъ дѣвицы совершится безъ ея согласія и сопровождается лишеніемъ ея чести, то холостому человѣку, допустившему сіе, полагается до 100 палочныхъ ударовъ, а а женатый, по шаріату, даже побивается камнями. Послѣднее наказаніе называется ра ж м и (слово арабское), а самый преступникъ именуется м у х с и н ѣ (слово арабское). Увозъ дѣвушки, безъ лишенія ея чести, наказуется только палочными ударами, не свыше 40.

Послѣ сговора свадьба можетъ разстроиться по навѣтамъ злыхъ людей о худомъ поведеніи жениха, или невѣсты, а также по неудовлетворительности или обману въ магерѣ, когда въ счетъ послѣдняго привезутъ не то, что на самомъ дѣлѣ обѣщали. Послѣ просватанія отказъ отъ брака съ чей-либо стороны считается большимъ оскорбленіемъ и если отказъ этотъ послѣдуетъ со стороны жениха, то онъ отбираетъ магеръ, а если со стороны невѣсты и буде изъ подарочныхъ отъ жениха вещей что либо уже скроено, или изрѣзано, то возвращается жениху сохранившееся и стоимость израсходованнаго, а не уплачиваются всѣ побочные расходы (убытки ч и г и н ѣ, практикуемый обыкновенно, у киргизъ). Въ случаѣ смерти жениха, просватанная дѣвушка считается совершенно свободною и родители умершаго не имѣютъ права требовать выхода ея замужъ за другого своего сына. Точно также, въ случаѣ смерти невѣсты, женихъ не въ правѣ требовать изъ той же семьи, взамѣнъ ея, другой дѣвушки, а только родители умершей возвращаютъ жениху внесенный имъ магеръ.

Приданое невѣсты (бѣлье, халаты, подушки, дамбалы-шаровары) и т. п. изготовляется женщинами изъ семьи и родственницъ невѣсты и, по мѣрѣ изготовленія, отвозится въ домъ жениха, а въ день свадьбы доставляется туда все окончательно по условію. Состоящее изъ необходимаго бѣлья и обыкновенной одежды приданое невѣсты изъ бѣдной семьи доходить стоимостью только отъ 5 до 10 рублей, а у бога-

тыхъ — отъ 200 до 300 рублей. Въ магеръ¹⁾ со стороны жениха назначаются шолковыя матеріи, ситцы и т. п., а также на его счетъ устраивается угощеніе въ брачный день.

Свадьбы у таранчей большею частью совершаются осенью, послѣ уборки и продажи хлѣба, когда въ каждой почти семьѣ появляются небольшія свободныя деньги. Жениху и невѣстѣ до свадьбы строго воспрещается видѣться между собою и устройство свадьбы по согласію только родителей обѣихъ сторонъ не допускается. День свадьбы назначается родителями брачующихся и самымъ счастливымъ днемъ для этого у мусульманъ считается пятница. Совершеніе вѣнчальнаго обряда допускается во всякое время дня и ночи.

Въ назначенный для свадьбы день вмѣстѣ съ женихомъ въ домъ невѣсты приходятъ молодые люди изъ его сверстниковъ, товарищей и знакомыхъ, которые послѣ вѣнчанія сопровождаютъ также новобрачную въ домъ ея мужа. Молодцы эти поютъ пѣсни не опредѣленнаго какого-либо содержанія и для извѣстныхъ случаевъ установленныя (обрядныя), а обыкновенно танцуютъ первыя вошедшія въ голову изреченія изъ книгъ и все, что на умъ придетъ, и играютъ на барабанѣ (на гарра—крынка съ натянутымъ въ широкой поперечной плоскости бычьимъ пузыремъ) и бубнѣ (табель-басъ); при свадебныхъ церемоніяхъ обыкновенно употребляются три табель-баса.

Послѣ вѣнчанія отецъ жениха дѣлаетъ подарки халатами и матеріями мулламъ и почетнымъ гостямъ, а со стороны родителей невѣсты таковыя подарки весьма рѣдки. Черезъ 3—4 дня послѣ свадьбы къ новобрачному приглашаются въ гости родители молодой и праздниекъ этотъ носить названіе узатку, а потомъ послѣдніе приглашаютъ къ себѣ родителей жениха (отвѣчаютъ на пріемъ—то кк узи) и во вре-

¹⁾ Подъ магеромъ, въ строгомъ смыслѣ, таранчи, впрочемъ, понимаютъ только неустойку будущаго мужа на случай развода съ женой.

мя этихъ угощеній дѣлаются взаимные подарки халатами и др. При выѣздѣ молодой въ домъ мужа женщинамъ, подносящимъ ее на кошмѣ для родительскаго благословенія, также должны быть сдѣланы со стороны жениха небольшіе подарки, а иначе онѣ не выдадутъ новобрачной, требуя за нее посильный выкупъ.

Жениться на дѣвушкѣ, потерявшей до свадьбы невинность, у таранчей считается большимъ позоромъ и паденіе ея, или соблюденіе чистоты строго наблюдается въ первую же брачную ночь, когда одна изъ родственницъ жениха (большею частью дженгэ, т. е. жена его брата) почуветъ въ сосѣдней съ новобрачными комнатѣ и, пользуясь первымъ же выходомъ ихъ изъ своей спальни, беретъ что-либо изъ постельныхъ вещей, заслуживающее по ея мнѣнію приданномъ случаѣ вниманія и отсылаетъ родителямъ невѣсты. Въ случаѣ женитьбы на обезпеченной дѣвушкѣ отъ родителей ея не требуется никакого вознагражденія и вообще этого печальнаго случая даже и родители жениха не предають огласѣть, стараюсь сохранить въ тайнѣ, и лишь иногда мужъ пользуется этимъ несчастіемъ для полученія развода.

Каждый таранча можетъ одновременно имѣть не болѣе 4 женъ, замѣняя ихъ новыми при всякомъ случаѣ смерти и развода, такъ что при продолжительной жизни правовѣрнаго общее число женъ можетъ доходить до значительной цифры.

Во главѣ каждой таранчинской семьи стоитъ старшій по лѣтамъ изъ мужчинъ, но все имущество считается принадлежащимъ главѣ дѣйствительныхъ работниковъ и производительныхъ силъ труженической семьи. Такъ, дряхлый, бездѣятельный и лежащій, какъ говорится, на печи дѣдъ почитается главой семьи, но имущество числится за его сыномъ, способнымъ къ работѣ и дѣйствительно ведущимъ все хозяйство. Старшей женѣ безусловно подчинено все женское населеніе каждой таранчинской семьи, а дѣти обязаны слушаться своихъ родителей, лишь бы требованія послѣднихъ

не были антирелигіозными и не клонились въ нарушенію вѣры. За послушаніе родители могутъ наказывать своихъ дѣтей палочными ударами; вообще, по шаріату, высшее подчиненіе каждаго правовѣрнаго есть—святое повиновеніе Богу и Его велѣніямъ, а послѣдующее за нимъ—безусловное подчиненіе своимъ родителямъ. Давать матеріальную поддержку и вообще содержать престарѣлыхъ и немощныхъ родителей дѣти обязаны безусловно.

Все домашнія работы, но только не во дворѣ, а въ комнатѣ сосредоточенныя, обязаны исполнять женщины; но послѣднія не участвуютъ ни въ какихъ трудныхъ, а наипаче—въ плевыхъ работахъ. За неисполненіе своихъ законныхъ требованій каждый мужъ можетъ ежедневно наказывать свою жену и все-таки она обязана будетъ жить съ нимъ. Если же со стороны мужа послѣдуютъ безвинныя истязанія и это подтвердятъ два достовѣрныхъ свидѣтеля, то имамъ, по заявленію женою жалобы, долженъ дать таковой парѣ разводъ.

Все имущество семьи находится въ нераздѣльномъ пользованіи, во приданымъ своимъ каждая жена имѣетъ право распорядиться самостоятельно.

Бездѣтныя таранчинскія семьи большею частью усыновляютъ изъ дѣтей ближайшихъ своихъ родственниковъ, или бездомныхъ сиротъ. Усыновленіе это не записывается ни въ какія книги имамовъ и лишь при періодической, чрезъ каждое трехлѣтіе, административной переписи населенія усыновленные лица вносятся по спискамъ въ составъ семей, ихъ принявшихъ. По шаріату, можно усыновлять даже незаконнорожденныхъ которой-либо изъ сочетавшагося бракомъ сторонъ, дѣтей, но откровенно предъ обществомъ обнаруживать дѣйствительное происхожденіе усыновляемыхъ незаконнорожденныхъ дѣтей очень стыдно и потому усыновляющіе обыкновенно измышляютъ подставныхъ родителей ребенка.

Въ семьѣ замужней женщины нѣкоторыя дѣти также признаются незаконнорожденными въ слѣдующихъ случаяхъ:

если родятся дѣти во время болѣе чѣмъ двухлѣтней отлучки мужа, тогда, по требованію послѣдняго, дается разводъ и незаконнорожденныя дѣти уходятъ съ разведенной женщиной, а законныя остаются при отцѣ. Почему у таранчей въ данномъ случаѣ примѣняется столь неестественно продолжительный срокъ разлуки супруговъ,—объяснить этого они и сами не могутъ.

Отецъ незаконно прижитыхъ, даже съ дѣвушками, дѣтей на пропитаніе ихъ ничего не платитъ.

Большинство семейныхъ дѣлъ у таранчей разбирается при посредствѣ духовенства, но если при участіи онаго окончательнаго рѣшенія не состоится, то тяжущіяся стороны обращаются къ обыкновенному своему народному суду, т. е. предъявляютъ дѣла на разсмотрѣніе избираемыхъ самимъ народомъ казіевъ. Для возбужденія брачныхъ и посемейныхъ дѣлъ не полагается никакого срока, равно и для склоненія по такимъ тяжущихся на смерть. Многоженство болѣе развито у осѣдлыхъ туземцевъ (преимущественно таранчей), ибо у нихъ со стороны матеріальныхъ издержекъ женитьба гораздо легче, чѣмъ у киргизъ — не приходится платить въ опредѣленной, болѣе или менѣе значительной суммѣ, калыма, обязательнаго въ быту кочевниковъ.

Многоженство у таранчей объясняется исключительно плотскими вожделѣвіями, тогда какъ семейно-хозяйственныя соображенія (желаніе имѣть дѣтей при неплодіи наличныхъ женъ, хорошую хозяйку для домашнихъ работъ и т. п.) нисколько не руководятъ таранчами при поятіи новыхъ женъ.

Таранчинскія женщины въ мужской компаніи не могутъ показываться и безъ разрѣшенія мужей не могутъ даже ѣздить никуда въ гости. Если бы даже и мужъ разрѣшилъ женѣ побесѣдовать съ какимъ либо мужчиной, то сама она должна отвергнуть это разрѣшеніе, — буде только фигурирующій въ данномъ случаѣ мужчина не близкій ея родственникъ, — изъ чувства стыдливаго приличія и строго помня н а - м а х р а м ъ (воспрещеніе свиданія съ чужими людьми). Хотя таранчинскія

женщины и ходять, не только среди мусульманъ, но и между иновѣрцевъ съ открытыми лицами, но, по шаріату, онѣ должны носить личное покрывало (чешм-пэрдэ) и вообще при входѣ въ посторонній домъ даже самая богатая женщина должна склонить свои очи долу и держать себя уничиженно и при-ниженно. Такая скромность едва-ли, однакожь, можетъ говорить за безусловную добродѣтельность таранчинскихъ женщинъ, при затворническомъ даже образѣ жизни и деспотизмѣ мужей.

Но, на самомъ дѣлѣ, изъ общихъ наблюдений по этому вопросу относительно мусульманскихъ женщинъ разныхъ, обитающихъ въ прииійской полосѣ, народностей можно прийти къ слѣдующимъ, нисколько не утрированнымъ, выводамъ: 1) женская часть татарскаго населенія, сосредоточиваясь преимущественно въ городахъ и вообще, сообразно занятіямъ своихъ мужей, въ промышленныхъ и торговыхъ пунктахъ, густо населенныхъ и изобилующихъ современными соблазнами, наиболѣе можетъ быть скользка по пути адюльтера. 2) Сартянки, кои, въпрочемъ, въ Джаркентѣ почти нѣтъ, встрѣчая частое отсутствіе своихъ мужей, разсѣваемыхъ, по присутствію имъ меркантильности, по всемъ угламъ средней Азіи, подобно міровымъ скитальцамъ—евреямъ, склонны, не только къ адюльтеру, но и къ открытому разврату, находя, быть можетъ, примиреніе съ послѣднимъ въ извѣстномъ при-страстіи своихъ мужей и сородичей къ педерастіи. 3) Таранчинки, благодаря деспотизму мужей и строгому надзору многочисленнаго духовенства, дѣйствительно болѣе стѣснены на пути паденія; но страстность темперамента и скорое сильное физическое развитіе не дѣлаетъ и здѣсь случаи увлеченія и супружеской невѣрности исключительными, хотя таковыя и допускаются таранчинскими женщинами крайне осторожно и преимущественно съ своими единовѣрцами, такъ что публичной огласкѣ не поддаются. 4) Что-же касается до дунгановъ, то таковыхъ въ Джаркентѣ очень немного и въ задѣтомъ вопросѣ онѣ слывятся безукоризненными и потому.

дунгановъ въ дѣйствительной жизни можно считать наиболѣе добродѣтельными.

Бракоразводныя дѣла таранчами возбуждаются въ слѣдующихъ случаяхъ: а) при отсутствіи взаимной любви между супругами; б) въ случаѣ крайняго нерасположенія жены къ мужу (н а ж а с ъ, арабское слово); в) при развратномъ поведеніи жены; г) при неисполненіи женою законныхъ требованій своего мужа, явномъ ослушаніи и оскорбленіи его и д) при жестокомъ обращеніи мужа съ женою, особенно если первый въ запальчивости произнесетъ три раза слово талакъ (разводъ). Однакожь, недоставленіе мужемъ женѣ средствъ къ жизни, по понятіямъ таранчей, не даетъ женѣ права требовать разводъ.

Бракоразводныя дѣла у таранчей разрѣшаются мѣстными имамами, но не обязательно тѣмъ, кто совершалъ обрядъ бракосочетанія. Первоначально мужъ можетъ оставить жену и не ведя бракоразводнаго процесса, но при жалобѣ жены дѣло разбирается непременно духовенствомъ. По опредѣленіи развода извѣстной четы, постановленіе о томъ записывается имамомъ, разбивавшимъ дѣло, въ особую книгу, но никакихъ обрядовъ при этомъ не совершается. Разведенной женѣ присуждается неуплаченная женихомъ часть магѣра и содержаніе на 3 мѣсяца и 10 дней (н а ф а ка—слово арабское).—

Получившая разводъ женщина можетъ вторично выйти замужъ не ранѣе, какъ послѣ троекратнаго мѣсячнаго очищенія (х а й з ъ—арабское слово); сровъ этотъ называется и д д а т ъ (слово арабское).—Неспособность мужа или жены къ соитію (и н н и н ъ,—арабское слово) можетъ служить поводомъ къ разводу, но въ такомъ случаѣ духовенствомъ назначаются двѣ солидныя женщины, подъ наблюденіемъ коихъ и должно произойти испытаніе совокупленія разводящихся супруговъ. Отъ заключеній подобной экспертизы въ настоящемъ случаѣ и зависитъ весь исходъ бракоразводнаго процесса.

Г Л А В А IV.

Наслѣдованіе у таранчей совершается въ такомъ порядкѣ:

1) Если послѣ смерти хозяина таранчинской семьи остаются въ живыхъ его престарѣлые родители, вдова и дѣти, то всѣ они считаются законными наслѣдниками къ оставшемуся послѣ умершаго имуществу; родные же братья умершаго никакихъ правъ на наслѣдованіе не имѣютъ.

2) Оставшееся имущество раздѣляется между законными наслѣдниками въ слѣдующихъ частяхъ: а) вдова получаетъ $\frac{1}{8}$ часть всего движимаго и недвижимаго имущества; б) родители умершаго наслѣдуютъ $\frac{1}{16}$ часть и в) изъ остающагося затѣмъ дѣти мужского пола получаютъ по 2 части, а женскаго—по 1 части.

По шаріату овдовѣвшая женщина можетъ сейчасъ же возвратиться въ домъ своихъ родителей, но по таранчинскому обычаю слѣлать это она можетъ не ранѣе какъ по прошествіи года со дня смерти мужа. Дѣти мужскаго пола отъ 7 до 10 лѣтъ и женскаго до появленія первыхъ регуль (б а л и гъ—совершеннолѣтіе) уходятъ также съ матерью, которая родственникамъ умершаго мужа магѣра не возвращаетъ нисколько. Овдовѣвшая женщина у таранчей не обязана выходить замужъ за кого-либо изъ родственниковъ ея покойнаго мужа, ибо, по окончаніи иддата, она считается свободною, какъ дѣвица, и можетъ выходить за мужъ также, какъ и первоначально.

При разводѣ совершеннолѣтнія дѣти остаются при отцѣ, а малолѣтнихъ можетъ взять съ собою мать, которая держитъ ихъ при себѣ, впрочемъ, лишь до вторичнаго выхода своего замужъ, когда всѣ дѣти снова возвращаются къ своему отцу.

Принесенное женою въ домъ мужа приданое не возвращается родителямъ умершей, а раздѣляется такъ: мужу отдается изъ приданаго $\frac{1}{4}$ часть, родителямъ умершей $\frac{1}{6}$ часть, а остальное раздѣляется между дѣтьми, при чемъ маль-

чики получаютъ 2 части, а дѣвочки по 1 части. Послѣ смерти главы семейства, унаслѣдываютъ положенную часть, выше опредѣленную, и отдѣленные дѣти, ведущія свое хозяйство, и замужнія дочери. Мать не завѣдываетъ причитающеюся на долю малолѣтнимъ дѣтямъ—наслѣдникамъ частью имущества, а выбирается для сего ближайшій, благонадежный, по удостоверенію двухъ почетныхъ лицъ, родственникъ, и при отсутствіи такого—частное лицо. Этотъ избранный, играющій роль опекуна, называется в а с и (слово арабское). Мелкія вещи, которыя легко могутъ быть утрачены, и все подвергающееся скорому тлѣнію, изъ опекаемаго имущества немедленно продается и вырученныя деньги сохраняются опекуномъ. Для отчетности васи ведутъ приходо-расходныя книги, которыя выдаются старшимъ лицомъ изъ общества, въ составъ коего входятъ опекаемыя, или ахуномъ. При владычествѣ китайцевъ такихъ порядковъ не было и судьба сиротъ вообще была довольно неопредѣленна.

Если послѣ умершаго таранчинца остается нѣсколько женъ, то все таки въ наслѣдство онѣ получаютъ не болѣе $\frac{1}{3}$ части всего имущества, которую и раздѣляютъ между собою поровну. Если вскорѣ послѣ смерти мужа умереть и жена и окажется, что изъ имущества мужа былъ уже произведенъ надлежащій выдѣлъ при ея еще жизни, то доставшаяся вдовѣ, въ свою очередь скоро умершей, часть дѣлится такъ: родителямъ умершей $\frac{1}{6}$ часть, а остальное имущество раздѣляется дѣтямъ—мальчикамъ по 2 части, а дѣвочкамъ по 1 части. На случай, когда имущество послѣ смерти главы семьи еще остается не раздѣленнымъ и вскорѣ послѣдуетъ и смерть вдовы (случай этотъ называется м у н а с а х а) оставшееся наслѣдство все таки раздѣляется такъ, какъ бы и при жизни вдовы, и затѣмъ уже отошедшая ей часть дѣлится такъ, какъ выше сказано о наслѣдствѣ послѣ женъ.

Выдѣлы изъ семьи совершеннолѣтнихъ дѣтей у таранчей бываютъ въ такихъ случаяхъ, когда, на примѣръ, женившійся сынъ, по мнѣнію отца, окажется вполне благонадежнымъ семьяниномъ и хозяйственнымъ человѣкомъ для само-

стоятельной жизни. Однакожь, при выдѣлѣ сына въ самостоятельную семью, отецъ даетъ ему часть имущества совершенно по своему усмотрѣнію (выдѣлъ этотъ называется ги бѣ) и даетъ благословеніе быть такимъ же добрымъ и зажиточнымъ хозяиномъ, какъ и онъ самъ.—Если же женатый сынъ дурного поведенія и ослушникъ, то отецъ просто выгоняетъ его изъ своей семьи, не давая ги бѣ.

Круглыя и безпріютныя малолѣтнія сироты у таранчей, если не имѣютъ ближайшихъ родственниковъ, то поручаются обществомъ на попеченіе благонадежнаго лица, которое не можетъ отказываться отъ воспитанія сиротъ, хотя бы и совершенно для него постороннихъ. Нѣкоторые безсемейные таранчи иногда круглыхъ сиротъ и усыновляютъ (й е т ъ м ъ).—Вообще-же, по мусульманской религіи, призрѣніе сиротъ и покровительство безпомощнымъ дѣтямъ почитается подвигомъ весьма добродѣтельнымъ и особенно вознаграждаемымъ въ загробной жизни. Если, въ частности, кто либо изъ правовѣрныхъ не въ состояніи лично оказать малолѣтнимъ сиротамъ матеріальную поддержку и помощь, то обязанъ восполнить это хотя ласкою и доброжелательнымъ участіемъ къ нимъ. По совершеннолѣтіи призрѣнныхъ сиротъ, если таковыя окажутся съ добрыми задатками и людьми трудолюбивыми, попечители ихъ, перѣдко, надѣляютъ имуществомъ для самостоятельнаго хозяйства, какъ родныхъ дѣтей, въ части ги бѣ, т. е. по непосредственному своему усмотрѣнію.

Казалось-бы, что при такой попечительности о безпріютныхъ дѣтяхъ и бѣдныхъ сиротахъ въ таранчинской средѣ не должно имѣть мѣста нищенство, но, на самомъ дѣлѣ, оно болѣе или менѣе развито, особенно въ густо-населенныхъ пунктахъ (напримѣръ Джаркентъ). Предрасположеніе къ нищенству развито у таранчей еще во время проживанія ихъ въ кульдѣжскомъ районѣ бродячими кашгарликами, большими охотниками до пропитанія себя безъ труда и на чужой счетъ. При томъ, въ Джаркентѣ, если и встрѣчаются нищенствующія таранчинскія дѣти, то не изъ среды безпріютныхъ

сиротъ, а составляютъ печальныя отбросы изъ семей бѣдныхъ, будучи направляемы самими родителями на попрошайничество.

Раздѣлы таранчинскихъ семей случаются нерѣдко и вызываются, напримѣръ, тѣмъ обстоятельствомъ, что при существованіи въ одномъ семействѣ двухъ женатыхъ братьевъ, у одного являются дѣти, а у другого нѣтъ, и тогда семейный братъ обязательно выдѣляется въ особую семью. Раздѣлы производятся при имамѣ, ближайшихъ родственникахъ и почетныхъ лицахъ; при нихъ же совершается и раздѣльная запись, хранящаяся потомъ у главы вновь образовавшагося семейства. Отдѣленные дѣти обязаны также подчиняться и почитать своихъ родителей, какъ бы они жили совмѣстно съ ними.

Послѣ смерти бездѣтнаго мужа жена наследуетъ $\frac{1}{4}$ часть всего оставшагося имущества, а остальное идетъ на общественныя нужды, или роздается бѣдному классу таранчинскаго населенія и сиротамъ. Буде же послѣ умершаго останутся его родные братья, то оставшуюся, послѣ выдѣла вдовѣ, часть имущества наследуютъ они, а буде живыми окажутся и родители умершаго, то по выдѣлѣ вдовѣ мать получаетъ $\frac{1}{3}$ часть, а остальное отецъ.

Всякое наследственное имущество дѣлится по шаріату, какъ выше изложено, хотя бы умершій и оставилъ послѣ себя особое духовное завѣщаніе (васіетъ-нама).—Духовныя завѣщанія грамотныя пишутъ сами, а свидѣтельствуютъ имамы, а у богатыхъ даже ахунъ, кои пропускаются лишь завѣщанія, предусматривающія раздѣлъ имущества во всемъ согласно шаріату. При наличности въ живыхъ наследниковъ изъ родственниковъ завѣщатель можетъ отписать въ пользу всякаго частнаго лица не болѣе $\frac{1}{3}$ всего своего имущества, въ противномъ же случаѣ завѣщаніе не прие­м­лет­ся, какъ законный документъ.

Выморочное имущество у таранчей должно быть назначено на общественныя надобности, мечети, школы, учениковъ, сиротъ и вообще на дѣла благотворительности.

Г Л А В А V.

Безъ духовнаго напутствованія умершаго надлежащею молитвою (отпѣваніе) предавать тѣло мусульманина землѣ нельзя и родственники умершаго заботятся, чтобы при этомъ обрядѣ и при сопровожденіи умершаго въ мѣсто вѣчнаго упокоенія присутствовало какъ можно болѣе правовѣрныхъ, надѣясь совокупными молитвами массы облегчить загробную участь покойнаго.

Если произойдетъ нечаянная смерть въ степи и вообще въ отдаленіи отъ мѣстопребыванія мусульманскаго духовенства, то трупъ передается землѣ безъ совершенія надъ нимъ молитвы имамомъ, но послѣднему о случаѣ этомъ и о мѣстѣ погребенія дается немедленно знать, такъ какъ имамъ обязанъ хотя бы на могилѣ совершать обычную молитву. Конечно, не при всякомъ изъ подобныхъ случаевъ имамъ выѣзжаетъ на могилу погребеннаго безъ установленной заупокойной молитвы, и здѣсь принимается въ расчетъ продолжительность прошедшаго со дня смерти времени; комплекція умершаго (жирный или тощій онъ былъ), состояніе погоды и другія обстоятельства, обуславливающія скорое или медленное гніеніе трупа, такъ какъ при разложеніи послѣдняго совершеніе имамомъ заупокойной молитвы не обязательно.

Кладбища у таранчей считаются мѣстами священными и всякій совершенный на нихъ проступокъ противъ шаріата, поставляется мусульманамъ въ большой грѣхъ, ибо при посѣщеніи кладбищъ каждый мусульманинъ долженъ памятовать, что и онъ самъ долженъ будетъ здѣсь когда нибудь лежать (—неизбѣжное *memento mori*)! Мѣста для мусульманскихъ кладбищъ не требуютъ ни какихъ особыхъ условій, но вообще выбираются сухія и открытыя. Для охраненія кладбищъ въ густонаселенныхъ пунктахъ существуютъ особые сторожа, называемые шейхами.

У таранчей повойники кладутся въ могилы въ лежащемъ, на правомъ боку, положеніи, головою на сѣверъ, такъ что

обращеніе лица умершаго сохраняется на юго-зап., какъ и при совершеніи живымъ обычныхъ молитвъ. Могилы вырываются по длинѣ и глубинѣ въ ростъ умершаго, а ширины—произвольной, лишь бы умѣщался трупъ. На западной сторонѣ могилы, во всю длину ея, дѣлается особое углубленіе (ляхатъ), въ которое въ смертной рубахѣ и владуть умершаго, забирая отверстіе ляхата кирпичами и камнями, а самую могилу (кабръ) забрасывая землею. Если при копаніи ляхата окажется въ немъ вода, или случится обвалъ земли, то разрѣшается, по шаріату, на днѣ кабра прямо вырыть яму, въ родѣ ляхата, положить туда трупъ и сверху заложить досками, а потомъ закидать землей всю могилу. У таранчей трупъ предается погребенію обязательно безъ гроба, но по шаріату предусматривается случай, когда тѣло умершаго можетъ быть положено въ произвольнаго устройства деревянный гробъ, или ящикъ,—когда, на примѣръ, могила окажется очень сырой.

Молиться на могилахъ и поминать умершихъ, по обычаю таранчей, должно какъ можно чаще и особенно по субботамъ, до восхода солнца, и въ теченіе первыхъ 40 дней послѣ смерти единовѣрца. Если же родственники и знакомые покойнаго, по своимъ обыденнымъ дѣламъ, не имѣютъ возможности къ аккуратному сорокадневному посѣщенію для молитвы его могилы, то обязаны дѣлать это по крайней мѣрѣ въ 3-й, 7-й, 40-й и годичный день послѣ смерти покойника, въ заповѣдныя дни устраиваютъ и поминки (назръ), состоящія въ обычной молитвѣ и сильномъ угощеніи. Дни эти принимаютъ для молитвы и поминовенія умершихъ потому особенно, что въ оныя, по вѣрованію народа, душа всякаго умершаго правовѣрнаго ожидаетъ особой защиты молитвами передъ Всемогущимъ Богомъ.

У мусульманъ похороны должны быть совершаемы черезъ 2—3 часа послѣ смерти, но если родные и домашніе умершаго не успѣютъ все приготовить въ этотъ срокъ, то погребеніе откладывается, впрочемъ, не далѣе, какъ на сутки. При

случаѣ скоропостижной смерти, по шаріату, можно не хоронить въ продолженіе трехъ дней. Таранчи убѣждаются въ дѣйствительной смерти, во избѣжаніе погребенія людей въ летаргическомъ состояніи (р и г а с е к т ѣ), простымъ способомъ—прикладывая ко рту умершаго обыкновенное зеркало, для сгущенія на поверхности его продуктовъ хотя бы слабаго дыханія.

Тотчасъ послѣ смерти у таранчей начинается омовеніе трупа, которое совершаетъ соотвѣтствующій покойнику полъ, подъ руководствомъ муэдзина, при чемъ омывающія трупъ лица отнюдь не должны быть зазорнаго поведенія и изъ отбросовъ общества. Предъ обмываніемъ трупъ кладется на чистую доску, а затѣмъ самое обмываніе (т а г а р а т ѣ) различныхъ частей тѣла совершается такъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ живые люди предъ ежедневными обычными молевіями (намазами), а именно: сначала три раза обмывается стыдливая часть тѣла, потомъ 3 раза обѣ руки, 3 раза вбирается вода въ ротъ и въ носъ (къ покойникамъ это послѣднее не примѣняется), 3 раза обмывается лицо и затѣмъ обѣими сырыми руками проводится со лба до затылка и отсюда до ушей на лобъ и, наконецъ, три раза обмываются ноги ¹⁾.

По обмываніи надѣваютъ на трупъ смертную рубашку (к а ф ѣ н ь), для мужчинъ обязательно изъ матеріи бѣлаго цвѣта, а для женщинъ изъ матерій разныхъ цвѣтовъ, но въ обоихъ случаяхъ безъ рукавовъ. На мужчинъ собственно надѣваютъ три кафѣны: а) первая не закрываетъ головы (к а м и с с ь), б) вторая (и з а р ь) закрываетъ голову и ноги и в) третья—л и ф а ф а, покрывающая трупъ тоже съ ногъ до головы. На умершихъ же женщинъ надѣваются три вышеописанныя

¹⁾ При ежедневномъ совершеніи намазовъ ноги въ дѣйствительности обмываются только утромъ, а при послѣдующихъ всѣхъ намазахъ только проводятъ сырыми руками полосы по и ч и к а м ѣ—(сапоги безъ каблуковъ, большую часть изъ козловой кожи); носимыя же туземцами поверхъ ичико въ калоши съ каблуками (кавшъ) при молитвахъ обязательно снимаются.

кафѣны и еще х и м а р ь, закрывающая только голову и грудь, и х и р к а, покрывающая тѣло отъ головы до колѣнъ.

Послѣ обмыванія умершаго обливаютъ камфарнымъ спиртомъ, розовымъ масломъ и турецкими духами (а т р ь), заворачиваютъ въ чистую кошму и покрываютъ покровомъ изъ шелковыхъ матерій, халатовъ и т. п. по состоянію, владутъ трупъ на носилки (та б у т ь) и относятъ къ мечети, въ сопровожденіи духовенства. Въ самую мечеть покойники вносимы быть не могутъ, а ставятъ ихъ на улицѣ передъ окномъ, идущимъ со стороны каavedры имама, на западъ; вообще совершать заупокойную молитву по умершемъ въ закрытомъ помѣщеніи (комнатахъ) по мусульманскому обряду не дозволяется. Покойникъ на носилкахъ ставится на землю предъ имамомъ,—въ томъ же положеніи тѣла, какъ при самомъ погребеніи; имамъ читаетъ установленную молитву, не дѣлая земныхъ поклоновъ, послѣ чего, въ сопровожденіи духовныхъ лицъ, родственниковъ и знакомыхъ, относятъ трупъ на кладбище и предаютъ погребенію, а по зарытіи ляхата одно изъ духовныхъ лицъ прочитываетъ краткую молитву. Когда-же въ могилу будетъ брошено окружающими нѣсколько лопать земли, то у таранчей въ это время особый человекъ (м у л л а - е п и н ь - а х у н ь) говоритъ, что сейчасъ умершій долженъ дать отвѣтъ о своей жизни предъ ангелами (М у н к и р ь и Н а к и р ь,—посредничество этихъ двухъ добрыхъ духовъ и только для даннаго случая признаютъ таранчи), для довлѣда Всемогущему Богу,—и присутствующіе соединяются въ единодушную, молчаливую молитвѣ, въ обезпеченіе благопріятнаго исхода для умершаго посредничества этихъ ангеловъ предъ Богомъ.

Печаль объ умершемъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ выражается слезами и воспоминаніями вслухъ объ умершемъ (въ родѣ нашихъ причитаній), хотя по шаріату требуется отъ каждаго правовѣрнаго молчаливое и съ терпѣніемъ перенесеніе всякихъ скорбей и несчастій въ земной жизни.—Наемныхъ плакальщиковъ и плавальщицъ у таранчей не водится

и мужчины никакими внѣшними признаками не выражаютъ свою скорбь объ умершемъ близкомъ человѣкѣ и только держать себя солидно, сосредоточенно и одѣваются весьма скромно, а женщины, въ знакъ траура, носятъ черные халаты. Трауръ этотъ у бѣдныхъ продолжается до 40 дней, а у богатыхъ—до одного года.

Выше уже сказано, что таранчи вообще не суевѣрны, но при случаѣ тѣлесныхъ недуговъ и они уязвимы съ этой стороны, такъ какъ нерѣдко, и особенно женщины, прибѣгаютъ къ посредничеству ш а й т а н ъ - б а к с ы (таранчин. б а к ш и), т. е. знахарей, испѣляющихъ посредствомъ изгнанія изъ больного субъекта злыхъ духовъ. Въ сущности шайтанъ-баксы просто шарлатаны, дѣйствующіе на нервныя натуры и большое воображеніе преимущественно женщинъ. Обычныя приемы этихъ знахарей, или скорѣе заклинателей, состоятъ въ нижеслѣдующемъ: къ потолку комнаты больного они привязываютъ арканъ (т у г ъ—по большей части волосяная веревка), нижній конецъ котораго, обернутый матой (бѣлая бумажная матерія, привозимая обыкновенно изъ Кашгара), привязываютъ ко вбитому въ полъ или землю колу, около котораго кладутъ три бубна. Къ верхнему концу аркана привязываютъ еще вату и разноцвѣтные лоскутки (ю р у н ъ). Больного кладутъ затѣмъ около кола и въ руки даютъ ему нижній конецъ аркана, обернутый матой, а потомъ бакши беретъ одинъ изъ бубновъ и конецъ маты отъ аркана, находящагося въ рукахъ больного и быстро вертится вокругъ, наигрывая на бубнѣ и произнося заклинанія, всегда непоятныя, даже для самого бакши. Пляска эта начинается ночью и нерѣдко оканчивается передъ свѣтомъ. За бакшей въ плясѣ нерѣдко бѣгаютъ базарныя бродягинищіе. Если лечащійся страдаетъ, по мнѣнію бакши, очень опаснымъ недугомъ, то заклинатель имѣетъ въ рукахъ небольшой кинжалъ (х а н ч ж а р ъ) и слегка укалываетъ имъ болящаго въ разныя части тѣла, а на другой день бьетъ пациента разноцвѣтными лоскутками, приказывая болѣзни удалиться. Людямъ слабонервнымъ и съ особенной впечатлитель-

ностью это средство не рѣдко помогаетъ, но крайней мѣрѣ на время.

Г Л А В А VI.

Приилійскіе дунгане, принадлежа также исключительно къ переселенцамъ изъ кульджинскаго района, казъ и таранчи, исповѣдуютъ мусульманскую религію; духовныя книги у нихъ употребляются на арабскомъ и персидскомъ языкахъ, а моленія совершаются на китайскомъ языкѣ. Другихъ уклоненій отъ таранчей въ послѣдованіи исламу дунгане не имѣютъ, а потому все, относящееся къ ежедневнымъ намазамъ, праздничнымъ торжествамъ, соблюденію постовъ и т. п., что сказано было въ этомъ отношеніи о таранчахъ, распространяется и на дунганъ, тѣмъ болѣе, что джаркентскіе дунгане въ религіозный культъ свой не ввели никакой китайщины, хотя и сомнѣваются въ таковой-же цѣлостности мусульманства у оставшихся въ китайскомъ вѣдѣніи своихъ сородичей, подозрѣвая послѣднихъ въ уклоненіи къ распространяемому въ средѣ китайскихъ подданныхъ идолопоклонству.

Всѣ наказанія, положенныя по шаріату за преступленія противъ вѣры, у дунганъ приводятъ въ исполненіе „общественный начальникъ“ (волостной управитель, аксакаль и т. п.). Но и сами начальники нисколько не изъяты отъ духовнаго суда и сопряженныхъ съ нимъ наказаній при малѣйшемъ нарушеніи не только строго-религіозныхъ, но и вообще нравственныхъ понятій своего народа. Въ этомъ смыслѣ извѣстенъ таковой фактъ, имѣвшій мѣсто весною 1888 г.: по случаю свадьбы одного изъ весьма вліятельныхъ и богатыхъ таранчей, послѣ обычныхъ праздничныхъ торжествъ, дунганскій волостной управитель устроилъ въ честь новобрачнаго обѣда, на который приглашены были почетныя лица и одинъ престарѣлый, всѣми уважаемый, дунганскій казіи (народный судья). Этотъ званый обѣдъ сопровождался равными увеселеніями на китайскій манеръ—музыкой, пѣніемъ, плясками, въ

которыхъ у китайцевъ преобладаетъ эротическій характеръ. Однакожъ, легко увлекшись китайскими развлеченіями и допустивъ ихъ въ обиходъ своей жизни, солидные дунгане противоборствуютъ преобладанію здѣсь скабрзнаго элемента, и допустившій это волостной управитель былъ обвиненъ мѣстными имамами въ нарушеніи правилъ нравственности. Прегрѣшеніе свое созналъ и самъ обвиняемый, явившись къ ахуну съ повинной, но не избѣгшій наказанія; ему, а равно участнику казію и дававшему представленіе дунганину было прописано ахуну въ мечети по 39 ударовъ сквозь рубашку, нанесенныхъ широкой кожаной плеткой, въ родѣ обыкновенныхъ мухобоекъ, называемой дарре и хранившейся въ мечети. Впрочемъ за такое поруганіе должностныхъ лицъ самъ ахунъ и его сторонники потерпѣли достаточное административное наказаніе, а дарре было изрублено на порогѣ квартиры собственноручно разгорячившимся крутымъ русскимъ начальникомъ, посѣтившимъ Джаркентъ вскорѣ послѣ происшествія въ мечети.

Въ духовной іерархіи дунганъ на первомъ планѣ стоитъ му д а р р и с ъ - а х у н ъ и и м а м ъ; послѣдній обыкновенно обучаетъ въ школахъ и совершаетъ общественныя служенія въ мечетяхъ по пятницамъ. Затѣмъ слѣдуютъ—м у ф т и—ахунъ (помощникъ и временный замѣститель главнаго духовнаго лица), х а т и п ъ - а х у н ъ (совершающій обрѣзаніе) и м у э д з и н ъ (пономарь, словесно сзывающій на молитву).

Дунганское духовенство выбирается самимъ обществомъ, убѣждающимся въ правоспособности кого-либо на известную должность какъ по полученному избираемыми образованію, такъ и изъ собесѣдованій съ ними грамотныхъ лицъ изъ своей среды. Кончающимъ успѣшно курсъ въ туземныхъ школахъ общество дунганъ обыкновенно даритъ праздничную, нарядную одежду и тогда-же обрекаетъ подобнаго избранника замѣстителемъ въ будущемъ первой свободной вакансіи въ духовной іерархіи.

Дунганскія духовныя лица образованіе свое получаютъ отъ мѣстныхъ ученыхъ мусульманъ и отъ своего главнаго ахуна.

Особаго класса юродивыхъ, дервишей и т. п. въ дунганской средѣ нѣтъ и даже обыкновенная нищенствующая братія встрѣчается весьма рѣдко, ибо всѣ дунгане сравнительно народъ зажиточный и очень трудолюбивый.

Никакого опредѣленнаго содержанія нынѣ лицамъ духовнаго званія отъ дунганскаго общества не полагается, но прежде, во время проживанія въ Кульдѣжѣ и Суйдунѣ, старшему ахуну назначено было обществомъ содержаніе, а именно: 1 фунтъ чаю, 2 фунта сахару, 4 пуда рису, 4 пуда муки въ мѣсяцъ, по одному барану на 3 мѣсяца и по 100 руб. въ годъ деньгами. Теперь же духовенство получаетъ только плату за обычныя требоисправленія: за вѣнчаніе съ бѣдныхъ отъ 20 коп. до 1 рубля, а съ остальныхъ отъ 2—5 рублей, за похороны мужчины, обыкновенно, халать и немного деньгами, а за погребенія женщинъ—халать и что нибудь изъ серебряныхъ вещей, принадлежащихъ покойной (браслетъ, серьги и т. п.). Остальные сборы (опуръ, зякетъ) практикуются какъ и у таранчей, но никакихъ особыхъ сборщиковъ не существуетъ, а даянія эти приносятъ сами правовѣрные, по усердію.—

У джаркентскихъ дунганъ существуютъ двѣ общественныя мечети, въ коихъ совершается служеніе по пятницамъ, и семь домашнихъ небольшихъ молитвенныхъ домовъ. Совершеніе „джума“ признается обязательнымъ только въ городахъ и селеніяхъ и правило это называется у а д ж и п ъ, а въ открытой степи и ненаселенныхъ мѣстахъ достаточно совершать лишь обыкновенныя намазы.

Большія мечети выстроены на общественный счетъ и стоимость ихъ простирается до 4000 рублей. Это обыкновенныя, сырцовыя, продолговатыя зданія, съ земляными, приподнятыми по краямъ, на китайскій манеръ, крышами и съ большими круглыми окнами надъ входомъ, но безъ минаретовъ. Отапливаетъ и освѣщаетъ мечети само дунганское общество.

При двухъ главныхъ мечетахъ находятся школы, а нѣкоторые грамотные люди обучаютъ и въ своихъ домахъ. Обучение мальчиковъ начинается съ 7—8 лѣтнаго возраста и можетъ продолжаться до 20 лѣтъ, дѣвочки же ходятъ въ школу съ 7-ми и не далѣе, какъ до 10 лѣтъ. Тотъ и другой полъ обучается въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, но подъ руководствомъ одного учителя. Обучение начинается съ азбуки, потомъ изучаютъ счетъ по буквамъ (а б д ж а т ь) далѣе в а л и м а т у н ь, т. е. начатки вѣры, потомъ алкоранъ и письменность. Способъ преподаванія—по отдѣленіямъ, формируемымъ по времени поступления дѣтей въ школу. Определеннаго вознагражденія учителя (обыкновенно имамы) не получаютъ, а предъ поступленіемъ въ школу вносятся родителями небольшая плата, затѣмъ дѣлаются подарки при переходѣ отъ изученія одного предмета къ другому, предъ праздниками, во время постовъ и т. п. Кромѣ имамовъ, первоначальное обучение (до начатковъ вѣры) производить и х а т и ц ь - а х у н ь т. е. лицо, совершающее операцію обрѣзанія.

Браки среди дунганъ не совершаются ранѣе 15 лѣтнаго возраста. Ни въ какой степени родства браки не допускаются и даже чужія семьи, но знакомыя между собою хорошо и дружны, какъ родственныя, не вступаютъ въ сватовство и браки. Для сватовства отецъ жениха выбираетъ своего лучшаго друга, который обращается къ одному изъ пріятелей отца невесты и, по совѣщаніи съ нимъ, отправляются къ послѣднему. Переговоривъ предварительно съ своей женой, отецъ невесты даетъ отвѣтъ и, если таковой въ утвердительномъ смыслѣ, то отецъ жениха выбираетъ еще 4-хъ уполномоченныхъ, изъ духовенства и почетныхъ лицъ, которые составляютъ уже второе посольство къ родителямъ невесты, отправляющееся съ обычными подарками, а именно: 1 ф. чаю, сахаромъ, изюмомъ и какими-либо гастрономическими блюдами изъ дунганской кухни. Подарки эти носятъ у дунганъ названіе—ф е й л и. Послѣ этого такими-же подарками привѣтствуютъ и ближайшихъ родственниковъ со стороны невесты.

Принесшіе подарки сваты угощаются въ домѣ невѣсты чаемъ, сладостями, ведутъ обыкновенную бесѣду и затѣмъ сватовство считается совершенно оконченнымъ.

Когда дунгане состояли въ вѣдѣніи китайцевъ, то вромѣ имамовъ и ахуновъ, никто не имѣлъ права совершать браки; за отправление же этого обряда не принадлежащими къ составу духовенства лицами, на послѣднихъ накладываемы были китайскими властями разнаго рода наказанія. Въ настоящее же время у дунганъ не возбраняется совершать вѣнчаніе вообще лицамъ грамотнымъ и знающимъ установленныя молитвы.

День вѣнчанія назначаютъ, по взаимному согласію, родители брачущихся и въ этотъ день женихъ верхомъ, въ сопровожденіи своихъ товарищей и сверстниковъ, является въ первый разъ въ домъ невѣсты, гдѣ бываетъ обычное угощеніе, послѣ котораго женихъ предъ родителями невѣсты и всѣми собравшимися родственниками ея дѣлаетъ общій поклонъ, а затѣмъ невѣсту съ приданнымъ отвозятъ, въ дунганской арбѣ, въ сопровожденіи родныхъ и знакомыхъ-мужчинъ и женщинъ, въ жениху въ отдѣльное помѣщеніе, назначаемое для постоянного жительства молодыхъ. Въ это время женихъ садится въ другой комнатѣ, окруженный духовенствомъ, своими провожатыми и родными и по окончаніи переговоровъ о магэрѣ, ведущихся между родителями брачущихся такъ же въ особомъ помѣщеніи, совершается ахуномъ обычный и к а хъ, а потомъ присутствующимъ предлагается трапеза и сильное угощеніе.

Браки по согласію только родителей, связующихъ судьбу своихъ дѣтей еще во время малолѣтства послѣднихъ, бывають у дунганъ, но очень рѣдко; взысканіе же калыма и возникающія черезъ это обязательства при разнаго рода случайностяхъ совсѣмъ не практикуются, а потому у дунганъ неизвѣстна также и замѣна невѣсты другою ея сестрою, или обязательный выходъ просватанной дѣвушки за брата умершаго до вѣнчанія жениха. Согласіе на вступленіе въ бракъ у жениха и невѣсты спрашивается родителями и безъ этого

согласія браки не допускаются, какъ не бываетъ браковъ и безъ согласія родителей—по одному только взаимному договору симпатизирующей другъ другу пары. Духовенство рѣшится совершить бракъ и безъ согласія родителей, если при обрядѣ будутъ присутствовать въ качествѣ свидѣтелей два человѣка изъ родственниковъ, или вообще людей солидныхъ. Послѣ такихъ случаевъ духовенство убѣждаетъ родителей новобрачной четы санкціонировать состоявшійся бракъ своимъ согласіемъ и если таковое послѣдуетъ, то женихъ надѣваетъ (дарить) на отца невесты халатъ и недоразумѣнія считаются оконченными.

Всѣ расходы по свадьбѣ уплачиваетъ женихъ, который передъ совершеніемъ брака вноситъ и магеръ (по дунгански *кабинъ*): у богатыхъ—отъ 10—50 тиллей (золотая монета въ Кашгарѣ и Бухарѣ, въ 3—4 руб.), у бѣдныхъ—до 20 рублей серебромъ. Если *кабинъ* полностью не будетъ приготовленъ, то свадьба разстраивается; иныхъ-же поводовъ къ такому исходу у дунганъ на практикѣ не бывало.

Въ случаѣ смерти жениха или невесты до совершенія брака замужество съ братомъ умершаго, или женитьба на сестрѣ первой невесты не обязательны и могутъ состояться только по новому договору и согласію между родителями, и съ уплатою женихомъ новаго *кабина*, который вносится по прибытіи невесты въ домъ жениха.

Свадьба у дунганъ совершается наичаще осенью послѣ уборки хлѣба; до вступленія въ бракъ свиданій между женихомъ и невестою не допускается. День свадьбы назначается муллами. Наболѣе счастливыми для этого днями недѣли признаются понедѣльникъ и четвергъ въ томъ убѣжденіи, что въ эти именно дни Пророкъ и святые люди совершали свои великія дѣла и предпочитали отправляться въ путь.

Въ день свадьбы въ домѣ жениха и невесты собираются ихъ родные и знакомые. При женихѣ группируется отъ 4—8 паръ молодыхъ людей, одѣтыхъ въ одинаковые костюмы, а одинъ изъ нихъ одѣвается точно такъ же, какъ и самъ женихъ. Всѣ эти провожатые садятся верхомъ на одномаст-

ныхъ лошадей и выѣзжаютъ, имѣя впереди жениха. Позади кортежа двигаются прочіе участники брачной церемоніи, изъ родныхъ и знакомыхъ, численностью нерѣдко до 100 человекъ. По приѣздѣ въ домъ невесты жениха представляютъ ее родителямъ, а затѣмъ подается угощеніе, обыкновенно изъ 9 кушаній (ши), послѣ котораго отецъ, мать, или ближайшіе родственники выносятъ на рукахъ невесту и усаживаютъ въ дунганскую арбу; съ невестой помѣщаются и провожатая (шучинды) изъ двухъ близкихъ женщинъ, а въ слѣдующей арбѣ ѣдутъ отъ 8—10 женщинъ—родственницы и гости. Въ заключеніи поѣзда 2 человека несутъ приданое невесты, разложенное на особыхъ столахъ, коихъ обыкновенно въ процессіи бываетъ отъ 30 до 40.

Тотчасъ по приѣздѣ въ домъ жениха окончательно разрѣшается вопросъ о магерѣ: довѣренный со стороны невесты (вакиль) изъ ближайшихъ ея родственниковъ, вырѣшаетъ таковой съ родителями, или родственниками жениха. При договорѣ этомъ присутствуетъ и женихъ, сидящій, обыкновенно, по срединѣ комнаты. Затѣмъ совершается бракъ, подается угощеніе обычнымъ мусульманскимъ порядкомъ, и брачное торжество, при которомъ не допускается ни пѣсенъ, ни музыки, заканчивается.

При печальныхъ случаяхъ поятія не честной дѣвушки, если женихъ человекъ рѣшительный и энергичный, то сейчасъ же даетъ разводъ, а слабохарактерный и смиренный втайнѣ переноситъ свое несчастіе, не оглашая о немъ даже среди самыхъ близкихъ людей. По увѣренію дунганъ, при китайскомъ владычествѣ подобные случаи неудачной женитьбы бывали нерѣдко, а теперь ихъ совсѣмъ не встрѣчается.

По окончаніи брачнаго торжества въ домѣ жениха остаются двѣ женщины свидѣтельницы, имѣющія совершенно не такое назначеніе какъ у татарчей, а женщины эти просто наблюдаютъ, чтобы женихъ не имѣлъ свиданія съ невестой до заката солнца, и на другое утро женщины эти расходятся по домамъ, нисколько не распространяя своей наблюдательности на первую ночь новобрачныхъ.

Въ дунганской семьѣ главою считается самое старшее по лѣтамъ мужское лицо. Но если, напримѣръ, у престарѣлыхъ родителей, отказавшихся отъ хозяйства, есть нѣсколько сыновей, то главою семьи изъ нихъ считается не старшій по возрасту, а тотъ, который во мнѣніи родителей лучшаго поведенія и болѣе способенъ вести самостоятельное хозяйство. Дѣти безусловно повинуются родителямъ и обязаны кормить престарѣлыхъ изъ нихъ. Также и жена должна находиться въ постоянномъ подчиненіи своему мужу, а при дурномъ обращеніи съ нею послѣдняго можетъ заявить жалобу казіямъ, которые пишутъ постановленіе, руководствуясь, впрочемъ, положеніями шаріата, по указанію ахуна, и даютъ разводъ. При китайскомъ владычествѣ дунганскіе казіи въ подобныхъ случаяхъ иногда налагали на виновнаго мужа наказанія ударами, числомъ отъ 39—78, или, въ болѣе важныхъ случаяхъ, передавали дѣло на усмотрѣніе китайскаго начальства.

Въ каждой семьѣ имущество считается нераздѣльнымъ, а приданымъ своимъ жена можетъ распорядиться не иначе, какъ только съ разрѣшенія мужа.

Бездѣтныя семьи усыновляютъ обыкновенно ближайшихъ родственниковъ, а иногда и постороннихъ сиротъ. Незаконнорожденныхъ младенцевъ обыкновенно подкидываютъ къ воротамъ мечетей и потомъ уже ихъ берутъ на воспитаніе добрые люди и большею частью тотъ, кто первый замѣтитъ подкидыша. Незаконнорожденными вообще считаются дѣти, происшедшія отъ незамужней женщины, или рожденныя вдовою послѣ 10 мѣсяцевъ со дня смерти мужа, а также родившіяся во время долговременной отлучки мужа. Отцы незаконнорожденныхъ дѣтей уклоняются отъ воспитанія послѣднихъ, боясь обнаружить свою вину и получить наказаніе по шаріату, а обманутыя дѣвушки и прелюбодѣйныя жены не предъявляютъ еъ соблазнителямъ, изъ стыда, никакихъ исковъ и усиленно воспитывать дѣтей исключительно на свои средства, если не рѣшаются подкинуть ихъ.

Для рѣшенія посемейныхъ дѣлъ особаго суда у дунганъ не существуетъ, а обыкновенно тяжущіяся семьи обращаются къ кому либо изъ почитаемыхъ и уважаемыхъ людей, или къ ахуну, или-же къ обычному суду казіевъ. Никакого срока на заявленіе жалобъ по всякаго рода дѣламъ не полагается.

Многоженство у дунганъ распространено менѣе, чѣмъ у прочихъ Джаркентскихъ туземцевъ, и огромное большинство изъ первыхъ имѣетъ по одной и уже никакъ не болѣе двухъ женъ. Женитьба на второй женѣ вызывается у дунганъ исключительно расширеніемъ хозяйства, иногда неплодіемъ, но отнюдь не физической неудовлетворительностью и сладострастными вожделѣніями.

Женщины въ семьѣ занимаютъ вполнѣ подчиненное положеніе и при китайскомъ владычествѣ могли показываться на улицѣ не иначе какъ съ закрытыми особымъ покрываломъ (л я н з о р ъ) лицами, а теперь только прикрываются слегка шелковыми платками. Нечестныхъ дѣвушекъ, по отзывамъ дунганъ, въ современной средѣ ихъ совсѣмъ не встрѣчается и всѣ женщины вообще очень добродѣтельны.

Причинами развода (ш у л я) у дунганъ принимаются тѣ-же обстоятельства, что и у таранчей, и, кромѣ того, недоставленіе мужемъ средствъ къ жизни своей семьѣ; неплодіе же не можетъ служить основаніемъ къ разводу. При разводѣ дѣти остаются у отца и если даже грудной ребенокъ перейдетъ по необходимости къ матери, то по вскармленіи грудью, отецъ можетъ отобрать его къ себѣ. Если разводъ состоится по просьбѣ мужа, то жена забираетъ къ себѣ все приданое и магеръ, а если по ея просьбѣ, то получаетъ только одно приданое. Разводъ можетъ совершиться и безъ участія духовенства, по одному взаимному согласію супруговъ, ибо случаи такового у дунганъ вообще ни въ какую книгу не заносятся. Разведенной женѣ мужъ обязанъ давать содержаніе въ теченіи 3 мѣсяцевъ и 10 дней (таранчи н а ф а к и, а по дунганск и д ж а у ф и). Послѣ развода женщина снова можетъ выйти замужъ не ранѣе какъ послѣ троекратнаго мѣсячнаго очище-

ніа, а мужчина можетъ сейчасъ-же жениться, если только у него была одна жена; въ случаѣ существованія нѣсколькихъ женъ и развода съ одной изъ нихъ мужъ можетъ замѣнить разведенную новой женой только по прошествіи иддата. Им-потенція мужа можетъ служить причиной развода, но предварительнаго испытанія при этомъ, какъ у таранчей, не производится.

Послѣ смерти мужа вдова вторично выходитъ замужъ исключительно по своему желанію и магерь родственникамъ умершаго ни въ какомъ случаѣ не возвращается; послѣ смерти же жены все приданое остается въ пользу овдовѣвшаго.

Послѣ смерти главы семьи отецъ его получаетъ $\frac{1}{6}$ часть, жены по $\frac{1}{3}$, а затѣмъ все остающееся дѣлится между дѣтьми такъ же, какъ и у таранчей. Но если въ числѣ наслѣдниковъ будутъ наравнѣ съ семейными, неженатые и незамужнія, то изъ остающейся (безъ шестой и $\frac{1}{3}$) части выдѣляются сперва расходы на женитьбу и приданое послѣднимъ, а потомъ уже чистый остатокъ дѣлится какъ выше сказано. Если остающаяся вдова женщина благоразумная, энергичная и хорошая хозяйка, то имуществомъ малолѣтнихъ управляетъ она, а въ противномъ случаѣ выбирается одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ умершаго, въ качествѣ опекуна (джуту); буде-же покойный еще при своей жизни изберетъ какое-либо лицо для исполненія обязанностей опекуна, то такое носить у дунганъ названіе васи. Опекунами ведутся только домашнія книги и за отчетностью ихъ слѣдятъ другіе, ближайшіе родственники; въ случаѣ недоразумѣній по опекунскимъ дѣламъ, таковыя разрѣшаются обыкновеннымъ судомъ казіевъ.

Въ большинствѣ случаевъ имущество послѣ умершихъ дѣлится у дунганъ согласно словеснымъ, или письменнымъ распоряженіямъ самого умершаго, а по указаніямъ шаріата и въ выше описанномъ порядкѣ очень рѣдко. Завѣщанія бываютъ наиболѣе словесныя, а въ случаѣ недовѣрія къ исполненію воли умирающаго его наслѣдниками — пишутся на бумагѣ, подписываются свидѣтелями изъ ближайшихъ родственниковъ

и сосѣдей и отдаются на храненіе старшей женѣ, или ближайшему родственнику. Случаевъ завѣщаній имущества совершенно постороннимъ лицамъ у дунганъ никогда не бывало, а выморочное имущество поступаетъ въ пользу мечетей.

Раздѣлы семей и воспитаніе сиротъ у дунганъ совершаются точно такъ же, какъ и у таранчей.

Обрядъ погребенія, выборъ кладбищъ, отношеніе къ нимъ и проч. у дунганъ тождественны съ таранчинскими со слѣдующими только исключеніями: послѣ облитія трупа духами, его не завертываютъ въ кошму, а кладутъ на хвращуюся въ мечети моржовую кожу краснаго цвѣта, съ ручками по бокамъ (родъ носилокъ, называемый чинданъ), а потомъ уже на особыя деревянныя носилки, съ коихъ на могилѣ трупъ снимаютъ и спускаютъ въ ляхетъ на чинданъ, потомъ послѣдній выдергиваютъ изъ подъ трупа и возвращаютъ въ мечеть.

Трауръ носятъ мужчины и женщины—въ родѣ бѣлой малой чалмы изъ маты на головѣ и таковой-же ополски. Бѣлый цвѣтъ для траура у дунганъ заимствованъ несомнѣнно у китайцевъ и по этому поводу нельзя умолчать объ одномъ курьезномъ случаѣ, очевидцемъ котораго мнѣ пришлось быть въ 1886 году въ предѣлахъ Китая.

Осенью того года состоялся въ китайскихъ предѣлахъ первый международный съѣздъ для разбора дѣлъ съ туземцами семирѣченской области. Послѣ водворенія китайцевъ въ кудьжинскомъ районѣ, нѣсколько киргизскихъ волостей, какъ извѣстно, осталось тамъ, а большая часть, входящая теперь въ составъ кочевого населенія джаркентскаго уѣзда, привала русское подданство. На съѣздѣ должны были участвовать киргизы той и другой стороны, состоявшіе прежде въ близкихъ между собою отношеніяхъ, жившіе въ однихъ волостяхъ, но переселеніемъ 1882 года разлученные между собою и съ тѣхъ поръ не видавшіеся. Понятно, что свиданіе между ними при открытіи съѣзда было очень теплое, но, тѣмъ не менѣе, чванливые китайскіе киргизы озаботились явиться на съѣздъ съ возможной своеобразной помпой, чтобы пустить пыль въ глаза

отошедшимъ отъ нихъ сородичамъ. И дѣйствительно, всѣ они пріѣхали на лучшихъ лошадяхъ, съ хорошими сѣдельными приборами и были одѣты въ заново приготовленные для сѣзда халаты и шапки; послѣднія имѣли верхушки изъ бѣлой матеріи и были украшены кистями и полосами изъ красныхъ нитей. Но какъ были поражены эти франты, когда прибывшіе на сѣздъ китайскіе чиновники задали имъ энергичныя, чуть ли не палочныя внушенія, за употребленіе головного убора съ траурными признаками, предъугадывающими какъ бы печальное пораженіе на предстоящемъ сѣздѣ, тогда какъ сыны Небесной имперіи всегда и во всемъ рассчитываютъ только на побѣды...

Срокъ траура у дунганъ полагается тотъ-же, что и у таранчей.

Г Л А В А VII.

Еще съ самаго начала предварительныхъ переговоровъ о возвратѣ Кульджинскаго района китайскому правительству, въ средѣ кульджинскихъ туземцевъ, особенно—таранчей и дунганъ, господствовало опасеніе снова подпасть подъ власть китайцевъ, которая только за десятилѣтіе предъ тѣмъ свергнута была мусульманскимъ движеніемъ въ илійской провинціи.

Тревожныя заботы о будущемъ между таранчами и дунганами, по обнародованіи трактата 1881 г., достигли своего апогея. Эти—недавніе подданные китайцевъ, самовольно свергнушіе съ себя ихъ иго и, благодаря своей энергіи, испытавшіе безысходность и тяжесть рабскаго своего положенія предъ владѣствующимъ китайскимъ населеніемъ старой Кульджи и прилегающихъ къ ней провинцій, не могли, конечно, рассчитывать на миръ и спокойствіе при новомъ порабощеніи ихъ китайцами, предусматривая въ будущемъ лишь жестокую мстительность прежнихъ своихъ владыкъ и сугубый гнетъ безпощаднаго деспотизма. При такихъ обстоятельствахъ, Высочайшая милость, проявленная во Всемиловивѣйшемъ соиз-

воленіи Государя Императора Александра III на принятіе въ среду своихъ вѣрноподанныхъ той части кульджинскихъ туземцевъ, которая не пожелала-бы остаться въ составѣ китайской имперіи, на возвращаемой территоріи бывшаго кульджинскаго района, принята была кульджинскими туземцами, какъ величайшее благодѣяніе и великая милость для ихъ народа¹⁾. Несказанно ободренные Высочимъ покровительствомъ Бѣлаго Царя, кульджинскіе туземцы не только безъ малѣйшаго опасенія за свое благосостояніе, но съ непреодолимою надеждою на несомнѣнно свѣтлое будущее, ринулись изъ кульджинскаго района въ семирѣченскую область при первой вѣсти о неизмѣнномъ рѣшеніи нашего правительства возвратить Кульджу витайцамъ, хотя наплывъ переселенцевъ, по необходимости (за недостаткомъ свободныхъ и орошаемыхъ земель въ области) и былъ сдерживаемъ мѣстными властями. Такъ, по распоряженію туркестанскаго генераль-губернатора, — коему во время переселенія (въ 1881 и въ началѣ послѣдующаго года) подчинена была еще семирѣченская область, — число переселенцевъ въ пограничной съ Китаемъ полосѣ, между р. р. Хоргосомъ и Усекомъ, разрѣшено было довести не болѣе какъ до 1500 семействъ изъ туземныхъ жителей бывшаго кульджинскаго района, тогда какъ въ первый же годъ переселенія на этой узкой полосѣ, шириною менѣе 40 верстъ, осѣло кульджинскихъ туземцевъ (таранчей и дунганъ) свыше 3000 семействъ, въ количествѣ 11950 душъ обоего пола. Здѣсь-же размѣщена одна киргизская волость изъ рода суванъ, перешедшаго къ намъ также послѣ возврата Кульджи и состоявшая тогда изъ 9647 душъ обоего пола.

Въ южной части джаркентскаго уѣзда, по лѣвому берегу р. Или, кульджинскіе переселенцы (исключительно таранчи)

¹⁾ Намъ извѣстно, что при посѣщеніи въ 1891 г. нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ г. Омска (резиденціи степного генераль-губернатора, въ составъ котораго входила тогда семирѣченская область) особые депутаты отъ джаркентскихъ таранчей и дунганъ имѣли счастье поднести всеподданнѣйшій, благодарственный адресъ за принятіе ихъ, при возвращеніи Кульджи китайцамъ, въ русское подданство.

осѣли по р.р. Акъ-су и Чарыну, образовавъ особую волость акъ-сарынскую (изъ жителей хонохайской волости, кульд-жинскаго района), въ которой числится 4312 душъ обоого пола. Изъ прочихъ уѣздовъ семирѣченской области кульджинскіе переселенцы преимущественно помѣщечы въ вѣрненскомъ, а затѣмъ въ токмавскомъ уѣздахъ; въ пржевальскомъ же уѣздѣ поселились кашгарскіе выходцы-дунгане, послѣ возмуще-нія въ Кашгарѣ въ 1877 году. Общее число переселенцевъ таранчей и дунганъ доходило до 56253 душъ¹⁾. Если при-нять средній посемейный составъ у таранчей и дунганъ въ 4 души, то число туземныхъ переселенческихъ семействъ изъ бывшаго кульджинскаго района въ семирѣченской области достигнетъ до 14066 семействъ, тогда какъ въ началѣ переселенія (къ декабрю 1881 г.) число заявлявшихъ желаніе переселиться, по оффиціальнымъ даннымъ, не превышало 12673 семействъ (11365 семей таранчей и 1308 семей дунганъ). Увеличеніе почти на 1400 переселенческихъ семействъ, происшедшее уже послѣ выселенія изъ Кульджи, объясняется, главнымъ образомъ, превысившимъ предположенное первоначальное въ переселенію число таранчей и дунганъ, и избытокъ этотъ преимущественно осѣлъ въ пограничной съ Китаемъ подосѣ, на восточной окраинѣ отъ нынѣшняго Джаркента²⁾.

Здѣсь, между р.р. Хоргосомъ и Усекомъ, сгруппированы преимущественно таранчинскія осѣдлыя поселенія (кишлаки): 1) Хоргосскій (на самой границѣ, по правому берегу р. Хоргоса, при пропускномъ посту, № 3, пограничномъ), 2) Пенджимъ на западъ отъ Хоргоса по почтовой джаркент-

¹⁾ Въ эту послѣднюю цифру не входитъ число таранчей кетменской волости (джаркентскаго уѣзда), такъ какъ волость эта, въ строгомъ смыслѣ, не переселялась, а осталась на прежнихъ мѣстахъ кульджинскаго района. по сѣверному склону кетменскихъ горъ, отошедшихъ къ намъ и послѣ возврата Кульджи по договору 1881 года.

²⁾ Джаркентскій уѣздъ занимаетъ пространство только до 40 тысячъ кв. верстъ, или вдвое менѣе самаго большого и въ 1½ раза почти менѣе самаго малаго изъ прочихъ уѣздовъ области, съ населеніемъ 80000 душъ обоого пола, т. е. не менѣе пржевальскаго уѣзда, занимающаго 52228 кв. верстъ.

сво-кульджинской дорогѣ, на разстояніи 17 верстѣ, 3) Кипецъ-юзы, 4) Авъ-кентъ, 5) Солонъ-кентъ, 6) Новый Тышканъ, 7) Старый Тышканъ, 8) Джаркентъ (въ самомъ городѣ Джаркентѣ, особая таранчинская часть) и 9) въ югу отъ почтовой дороги, въ 6-ти верстахъ отъ Джаркента, особое поселеніе Чолокай.

Другая волость таранчинскихъ переселенцевъ расположена въ южной части джаркентскаго уѣзда, по лѣвую сторону р. Или, и нижеслѣдующія селенія ея находятся при р. Акъ-су и Чарыну (другія мелкія горныя рѣчки не поименовываются): 1) Большое Акъ-су, 2) Малое Акъ-су, 3) Баянъ-касагъ, 4) Чарынъ.

Вышедшіе изъ Кульджи дунгане въ джаркентскомъ уѣздѣ сгруппировались, до 1500 душъ, въ одномъ только пригодномъ селеніи Джаркентъ, хотя временно нѣкоторая часть ихъ занимается земледѣліемъ, и по лѣвую сторону р. Или, по р. Чарыну и на уроч. Каратума, вблизи отъ западной границы съ вѣрненскимъ уѣздомъ.

По переселеніи въ джаркентскій уѣздъ, таранчи, въ преобладающей своей массѣ, остались тѣми-же земледѣльцами, какими они оказывались и въ кульджинскомъ районѣ. Но такъ какъ большая часть переселенцевъ (до 3000 семействъ) осѣла въ приграничной, узкой полосѣ между р.р. Хоргосомъ и Усекомъ, гдѣ наиболѣе удобныя земли тотчасъ-же послѣ возврата Кульджи китайцамъ отрѣзаны были (до 30000 десятинъ) войсковому правленію семирѣченскаго казачьяго войска, для надѣла проектированнымъ къ устройству на границѣ казачьимъ поселкамъ, то первоначально значительная часть переселенцевъ размѣстилась здѣсь безъ всякаго порядка, не получивъ особо опредѣленныхъ для полевой культуры площадей и эксплуатируя преимущественно казачью землю, заарендованную, въ количествѣ 6700 десятинъ, на 8 лѣтъ, съ платою ежегодно по 35 коп. за десятину.

Только въ 1886 году таранчи получили особый надѣлъ земли въ 24000 десятинъ для своихъ селеній, начавшихъ бо-

лѣе или менѣе правильно застраиваться и организоваться въ отдѣльныя сельскія общества съ весны 1885 г.

Поселившіеся въ южной части уѣзда таранчи, выходцы изъ хонахайской волости, въ числѣ 905 семействъ, получили земельный надѣлъ ранѣе джаркентскихъ переселенцевъ, а именно въ 1885 году, въ количествѣ 4640 десятинъ, или болѣе чѣмъ по 5 десятинъ на семью.

Урожай господствующихъ изъ воздѣлываемыхъ туземцами хлѣбовъ¹⁾ не превышаетъ самъ 10, но для пшеницы и ячменя цифра эта бываетъ весьма часто въ нѣсколько, а для проса и джугары—даже въ 10 разъ болѣе.

Таранчами и дунганами джаркентской волости въ первый годъ по переселеніи (1883 г.) было высѣяно до 400 четвертей разнаго рода хлѣба и снято 42018 четвертей.

Интересно сравнить, какъ отразилось переселеніе на размѣрахъ земледѣлія въ первый-же годъ по водвореніи на новыхъ мѣстахъ.

Въ кульджинскомъ районѣ на всѣхъ обитателей изъ таранчей и дунганъ, въ числѣ до 60000 душъ обоюго пола, высѣяно было, напримѣръ въ 1876 г. (Пянтусовъ. Свѣдѣнія о кульджинскомъ районѣ за 1871—77 г. Казань 1881 г.) разнаго рода зерна до 70000 четвертей (1,18 четв. на душу) и снято 1035736 четв. или по 17 четвертей на душу. Согласно вышеприведеннымъ даннымъ, въ первый годъ по водвореніи въ джаркентскомъ уѣздѣ было посеяно только по 0,03 четв. и снято немного болѣе 3 четвертей на душу; но уже въ 1890 г. таранчами и дунганами было снято 104.142 четв., или по 51 п. на душу. Въ виду того, что самая пограничная полоса съ Китаемъ, между Хоргосомъ и Усекомъ, весьма густо заселилась въ первый же годъ послѣ возврата Кульджи исключительно почти туземцами изъ бывшаго кульджинскаго района, поддерживающими постоянныя сношенія съ

¹⁾ О способахъ полевой культуры воздѣлываемыхъ таранчами и дунганами растений помѣщенъ нами рядъ статей въ «Киргизской степной газетѣ» за 1901 г.

оставшимися въ предѣлахъ Китая своими сородичами, мѣстная администрація, тотчасъ-же по проведеніи новой пограничной линіи, озаботилась, чтобы неизбѣжныя сношенія нашихъ туземныхъ переселенцевъ съ китайско-подданными не вызывали международныхъ съ сосѣдями осложненій и чтобы была полная возможность соблюдать, какъ говорятъ китайцы, „чистоту границы“. Съ этою цѣлью, въ разныхъ пунктахъ пограничной линіи, идущей по одному джаркентскому уѣзду на протяженіи 200 слишкомъ верстъ, какъ съ русской, такъ и съ китайской стороны, учреждены военные передовые посты. Съ нашей стороны первоначально, но не надолго, постовую службу здѣсь несли казаки 1-го семирѣченскаго полка, а затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ непрерывно—казаки 1-го сибирскаго Ермака Тимофѣева полка. У китайцевъ же по лѣвую сторону Или посты занимаютъ преимущественно калмыки и сибинцы, а по правую—солоны и регулярныя войска.

Въ организаціи пограничной охраны съ той и другой сторонъ замѣтна та существенная разница, что въ первое время количество постовъ на русской сторонѣ было весьма значительно, а у китайцевъ, напротивъ, тогда какъ въ послѣдствіи, съ учрежденіемъ таможеннаго надзора, казачьи посты значительно сокращены числомъ, а китайскіе увеличены. До учрежденія въ Джаркентѣ и на Хоргосѣ (пропускной № 3 постъ, на пограничной линіи) таможни, казачьи посты на русской сторонѣ заняты были 1-й сотней 1-го сибирскаго казачьяго Ермака Тимофѣева полка и 4, 5 и 6 сотнями 2-го сибирскаго полка и расположены такъ: 1) полусотня и сотенный дворъ на посту № 1, въ верхнемъ теченіи р. Хоргоса, на уроч. Башъ-Кунчанъ, близъ поселка Хоргоскаго; отъ этого поста нѣсколько казаковъ выставляется иногда еще выше по Хоргосу, на уроч. Алмолы, 2) 20 казаковъ, подъ командою урядника на посту № 2-й, отстоящемъ отъ 1-го внизъ по Хоргосу, верстъ на 10, 3) полусотня 2-го полка на посту № 3, въ томъ же почти разстояніи отъ 2-го, а другая полусотня отбываетъ конвойную службу при Бульджинскомъ кон-

сульствѣ ¹⁾, 4) 10 казаковъ, подъ командою офицера, тоже по Хоргосу, на посту № 4, 5) полусотня и сотенный дворъ на посту № 5, 6) взводъ подъ командою офицера, на посту № 6, на уроч. Кара-Кульдевъ, при впаденіи Хоргоса въ р. Или, 7) 10 казаковъ, подъ командою урядника, на Кайрылганѣ, по лѣвому берегу р. Или, 8) 15 казаковъ, подъ командою офицера, въ таранчинскомъ селеніи Кальджатѣ, 9) полусотня и сотенный дворъ въ выселкѣ Охотничьемъ (Нарынъ-Коль), 10) взводъ подъ командою офицера, на Уртенсаѣ, 11) взводъ подъ командою офицера, на Сюмбѣ и 12) 10 казаковъ, подъ командою урядника, на Текесѣ.

Съ учрежденіемъ таможни расчетъ нашихъ постовъ быстро измѣнился и количественный составъ ихъ былъ такой: 1) казаки 1-й сотни № 1 полка на посту № 3, за исключеніемъ 10-ти, которые переведены на постъ № 4-й, 2) полусотня и сотенный дворъ 2-й сотни того же полка на посту № 5, 3) 10 казаковъ, подъ командою урядника, на Кайрылганѣ, 4) взводъ подъ командою офицера, на посту № 6-й, 5) 15 казаковъ, подъ командою офицера, въ сел. Кольджатѣ, 6) полусотня и сотенный дворъ 4-й сотни на Башъ-Кунчанѣ, 7) 20 казаковъ, подъ командою офицера, на посту № 2, 8) взводъ, подъ командою урядника, на ур. Чонкуръ-Булакъ, 9) полусотня и сотенный дворъ 6-й сотни въ выс. Охотничьемъ, 10) 10 казаковъ, подъ командою урядника, на Текесѣ, 11) взводъ, подъ командою офицера, на Сюмбѣ и 12) взводъ, подъ командою офицера, на Уртенсаѣ, и на пропускномъ посту таможенный чиновникъ съ двумя надсмотрщиками и 4 объѣздчиками.

Съ китайской стороны охрана пограничной линіи количественно значительно превосходила наши посты.

¹⁾ Такъ какъ на посту № 3 построенъ на нашей сторонѣ особый редутъ съ обширнымъ помѣщеніемъ для нижнихъ чиновъ и офицеровъ, то здѣсь въ казармахъ, кромѣ обычныхъ постовыхъ казаковъ, временно размѣшалась иногда сотня отъ 1 полка и даже которая-либо изъ ротъ 3-го запад. сибирскаго линейнаго баталіона, квартирующаго въ Джаркентѣ.

Съ 1890, приблизительно, года главнокомандующій (чжэнь-тай) учредилъ даже вторую линію пограничныхъ постовъ, съ возведеніемъ новыхъ инпановъ, занятую исключительно китайскими солдатами. На всемъ протяженіи границы илійскаго края съ Россіей расположено 32 поста и 10 военныхъ станцій.

Порядокъ расположенія китайскихъ постовъ, начиная съ сѣвера, слѣдующій: 1) Постъ Джаке-обо, охранная линія этого поста, въ западу до Каптагаля, пролегаетъ на протяженіи 40 ли ¹⁾).

2) Постъ Каптагай, отъ этого поста до слѣдующаго 40 ли, 3) постъ Шала-сини—60 ли, 4) постъ цинь-да-лань 50 ли, 5) Суда-багань 60 ли, 6) Караучжурь 160 ли, 7) Кукуталу—80 ли, 8) Чагань-усу 80 ли, 9) Ямату—90 ли, 10) Отоксайли—40 ли, 11) Далюй (онъ же Шабату)—80 ли, 12) Дачжухань. Всѣ эти 12 постовъ находятся на пограничной линіи, вѣдъ джаркентскаго уѣзда, и заняты солдатами изъ чахаровъ.

Собственно по границѣ съ джаркентскимъ уѣздомъ расположены нижеслѣдующіе китайскіе посты: съ сѣвера—13) хорсугурскій, отъ него къ югу до слѣдующаго поста 70 ли, 14) Фульчань-алинь 30 ли, 15) Никань (пропускной постъ на китайской сторонѣ, соответствующій нашему № 3) 30 ли, 16) Чагань-обо 50 ли, 17) Дэнь-юань 80 ли, 18) Или-цикинъ. Эти шесть постовъ находятся на линіи отъ верховьевъ Хоргоса до впаденія этой рѣки въ Или и соответствуютъ нашимъ первымъ шести постамъ. Здѣсь посты исключительно заняты солонями. 19) Тоуху 50 ли, 20) Сань-Кому (по мусульмански—Учь-агачъ, т. е. 3 дерева), 21) Ган ца-модо (Джангызъ-агачъ) 50 ли, 22) Тавидхань. Изъ этихъ три поста заняты исключительно сибинцами, а четвертый, совмѣстно съ сибинцами, и калмыками, состоя въ подчиненіи послѣднихъ. 23) Алигань-гу 70 ли, занимаемый сибинцами и монголами;

¹⁾ Одно ли равняется 267 погоннымъ сажениамъ. Въ описаніи синьзянской провинціи разстояніе здѣсь обозначено въ 80 ли.

изъ первыхъ здѣсь находится 1 урядникъ и 4 солдата, а отъ калмыковъ 5 солдатъ при урядникѣ, 24) Чагань-илень 40 ли, 25) Гуниръ 45 ли, 26) Текесь-хо (рѣка) 30 ли, 27) Хашень 40 ли, 28) Довату 46 ли, 29) Албансуму 45 ли, 30) Карабулакъ 54 ли, 31) Махотологай 45 ли и 32) Нарынъ-коль, являющийся первымъ (головнымъ) постомъ, если считать посты отъ Тяньшаня и идти къ сѣверу. Всѣ послѣдніе 10 постовъ, кромѣ Алиганъ-гу, заняты исключительно калмыками¹⁾. Такимъ образомъ, количество китайскихъ постовъ на пограничной линіи съ джаркентскимъ уѣздомъ болѣе нашихъ казачьихъ на 8 постовъ. Кромѣ того на южной дорогѣ, близъ границы, у китайцевъ расположено 8 слѣдующихъ военныхъ станцій, называемыхъ узюнь-тай. 1) Батмэнго-тай, въ разстояніи отъ слѣдующей на 90 ли, 2) Хайнукъ-тай 90 ли, 3) Сугоръ-тай 80 ли, 4) Боръ-тай 100 ли, 5) Хонохай-тай 100 ли, 6) Токесь-тай (онъ же Цюлань) 80 ли, 7) Шатуаманъ-тай 100 ли и 8) Тамухатамъ (предъ Музаргскимъ переваломъ, онъ же Адунгеръ) до вѣчнаго пункта къ югу—Гавэхархай, 50 ли, и наконецъ, по восточной дорогѣ 2 станціи Санъ-тай и Сы-тай.

На каждомъ изъ передовыхъ постовъ у китайцевъ находится отъ 8 до 12 солдатъ изъ національности, къ коей принадлежитъ самъ постъ, почему, хотя количество пограничныхъ постовъ на китайской сторонѣ по Хоргосу и далѣе на на югъ и больше нашихъ казачьихъ постовъ, но число охранной стражи на пограничной съ джаркентскимъ уѣздомъ линіи, на самомъ дѣлѣ, вдвое менѣе числа русскихъ казаковъ, расположенныхъ по той же линіи. Если къ этому присоединить малоспособность китайскихъ постовъ къ усиленнымъ перѣздамъ, сторожевой службѣ и отсутствіе энергіи, граничащее нерѣдко съ полной трусостью, то станетъ яснымъ, что охрана съ нашей стороны, какъ наиболѣе дѣйствительная и

¹⁾ Въ послѣдующее время китайскія власти, въ виду замѣченной недобросовѣстности калмыковъ, обѣщали нашему консулу всѣ калмыцкіе посты замѣнить другими войсками.

дѣлесообразная, распространяется особенно и на защиту китайцевъ, служба передовыхъ постовъ коихъ не выходитъ почти за предѣлы исполненія простыхъ формальностей. Дабы не быть голословнымъ при такомъ нелестномъ заключеніи о воинственныхъ доблестяхъ пограничныхъ охранителей съ „почтенной стороны“ (такъ, обыкновенно, въ разговорахъ съ сосѣдями именуется взаимно-китайская и русская сторона, причѣмъ эпитетъ этотъ говорящій употребляетъ по отношенію къ той сторонѣ, съ которой ведетъ бесѣду, считая въ то же время, свою сторону, какъ бы мало значащею и ничтожною), пишущій эти строки считаетъ нужнымъ привести лично наблюдаемые и извѣстные факты изъ постовой китайской службы и взгляды на оную самой стражи, что подтвердится и самымъ отношеніемъ китайскихъ властей къ пограничнымъ дѣламъ, о которомъ сказано будетъ ниже.

Осенью 1885 г., будучи командированъ въ илійскій край, для возврата бѣжавшихъ къ китайцамъ нашихъ киргизъ, я возвращался изъ за Коксу и Текеса по китайской территоріи съ 71 кибитками киргизъ, коихъ было, съ женами и дѣтьми, до 300 человекъ, а въ конвоѣ у меня 4 только русскихъ казака и до 80 сибинцевъ съ 2 амбаниями (генеральскій чинъ). Переходить границу пришлось около Кольджигера, чрезъ китайскій постъ, соответствующій нашему кайрылганскому, и меня беспокоило то обстоятельство, что возвращавшіеся киргизы, взятые мною вдали отъ Кульджи, гдѣ находится Россійско-Императорское консульство, не имѣли заграничныхъ билетовъ. Можно было опасаться, что китайскій постъ не пропуститъ безбилетныхъ киргизъ, переходящихъ въ тому-же границу не въ опредѣленномъ по договору 1881 г. пропускномъ пунктѣ, и я окажусь въ безвыходномъ положеніи на чужой сторонѣ, съ массою полуголоднаго народа и скота. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что при приближеніи къ китайскому посту въ сторожевой будѣѣ, на крышѣ и стѣнахъ постоваго помѣщенія, начали вырисовываться наблюдающіе силуэты бдительной стражи. Но каково-же было мое удивленіе, когда стража эта

при видѣ многочисленной, но крайне вестройной и отнюдь не воинственной нашей кавальгады, большинство всадниковъ кося возсѣдало на низкорослыхъ быкахъ и даже телятахъ, моментально скрылась внутри инпана, изъ-за стѣнъ котораго одновочныя головы не прежде начали робко выглядывать, какъ только тогда, когда мы перешли на русскую сторону. Даже сопровождавшіе меня амбани, въ числѣ коихъ былъ и весьма почтенный, солидный Сэ-укурдай¹⁾, и ихъ свита не могли удержаться при этомъ отъ иронической улыбки. Нужно замѣтить, что все это происходило среди бѣлаго дня, а ночью постовыя войска почтенной стороны еще болѣе, выражаясь деликатно, осторожны. Въ 1890 г. былъ, напримѣръ, такой случай: даотай-инъ, начальствующій надъ всѣми войсками илійскаго края и вѣдающій, при посредствѣ особой комиссіи, всѣ русско-китайскія дѣла²⁾, встрѣчая со стороны одного изъ видныхъ сановниковъ на постахъ постоянныя, голословныя ссылки на то, что русскіе подданные своими самовольными подвигами очень часто нарушаютъ „чистоту границы“ и не вида подтвержденія этого въ фактическомъ противодѣйствіи своихъ передовыхъ постовъ, которые не могли задержать ни одного изъ русско-подданныхъ при случаѣ нелегальнаго ихъ отношенія къ границѣ, вознамѣрился провѣрить бдительность инпана жалующагося начальника и, къ несчастію, въ ночное время.

Но, о, ужась! ни энергичные вызовы самаго даотая, ни отчаянные крики его многочисленной свиты не могли вызвать

¹⁾ Сэ—фамилія, или вѣрнѣе, употребляемый, обыкновенно, у китайцевъ только первый слогъея, укурдай—начальникъ сибинцевъ, управляющій всѣми сумунами, или ширу—ротами, т. е. отдѣльными поселеніями сибинцевъ, похожими на городъ, обнесенный стѣною, которыхъ въ илійскомъ краѣ числомъ 8.

²⁾ Резиденція даотая и комиссіи находится нынѣ въ Кульдѣжѣ, а ранѣе комиссія имѣла мѣстопребываніе въ Суйдунѣ и была въ вѣдѣніи илійскаго цзянь-цзюня, исправляющему должность коего ватѣмъ были подчинены только не многочисленныя войска собственно изъ китайцевъ.

въ жизни какъ-бы вымершихъ обывателей инпана, крѣпко запертыя ворота и стѣны коего были только безмолвными свидѣтелями неизбежной необходимости высококаго сановника проникнуть въ инпанъ необычнымъ путемъ, карабаясь черезъ послѣднія. Разумѣется, стража, подкрѣпленная значительной дозой опиума, не вымерла, а спала непробуднымъ сномъ, пробужденіе же ея начальника было по истинѣ печальное, ибо дарынъ (начальникъ, господинъ, какъ „галдай“—„галай-да“ чиновникъ, должностное лицо) этотъ тотчасъ же лишень былъ синяго шарика (соотвѣтствуетъ чину полковника) и павлиньяго пера, составлявшихъ, быть можетъ, единственное украшеніе и цѣнность его несчастной головы.

Ночная бдительность вообще даже противорѣчить принципамъ и понятіямъ китайцевъ о порядочности, ибо, усиленно отклоняя отъ себя необходимость, со стороны передовыхъ постовъ, ночныхъ разъѣздовъ, китайскія власти съ убѣжденіемъ мотивируютъ это неприличіемъ для своихъ достославныхъ войскъ разъѣзжать по ночамъ, „когда никто изъ порядочныхъ людей не бодрствуетъ, а шляются только воры и нехорошіе люди“.

Скученность нашего туземнаго населенія близъ границы и близость расположенія къ оной кочевниковъ—лихихъ наѣзниковъ, имѣвшихъ, къ тому-же, свои расчеты съ оставшимися въ Китаѣ киргизами, вызывала, конечно, возможность постоянныхъ сношеній нашихъ подданныхъ съ китайскими, для которыхъ законный путь предоставляется поѣздками въ илійскій край по заграничнымъ билетамъ, выдаваемымъ отъ мѣстнаго уѣзднаго начальства. На каждое, ѣдущее въ Китай, лицо выдается отдѣльный билетъ, съ указаніемъ всѣхъ провозимыхъ туда предметовъ, разумѣется изъ категоріи разрѣшенныхъ въ ввозу въ Китай по договору 1881 г. Билеты эти выдаются туземцамъ на основаніи удостовѣреній волостныхъ управителей о личности отправляющихся въ Китай и ихъ благонадежности, а равно по представленіи надлежащаго поручительства.

Имѣющіе надобность отправиться въ Китай съ дѣловой цѣлью, напимѣръ по торговымъ дѣламъ, туземцы не уло-

няются отъ взятія билетовъ, каковыхъ въ теченіе года изъ Джаркентскаго уѣзднаго управленія выдается свыше 1000 нумеровъ.

Помимо сообщенія по установленнымъ билетамъ, таранчи практикуютъ тайный переходъ границы, совершаемый преимущественно бездомными и бѣдными одиночками. Случаи такихъ своевольныхъ переходовъ границы довольно часты и относятся не къ одному Джаркентскимъ, но и къ таранчамъ въренскаго уѣзда. Переходы эти не имѣютъ характера эмиграціи и ушедшіе въ Китай безбилетные таранчи нерѣдко возвращаются сами, а большинство выдворяется нашимъ консульствомъ въ Кульджѣ и подвергается здѣсь судебной отвѣтственности. При переселеніи таранчей изъ Кульджи многія семьи разрознились: часть ихъ осталась въ вѣдѣніи китайцевъ, а другая перешла въ наше подданство. Разумѣется, при такихъ условіяхъ, кромѣ понятнаго влеченія къ старымъ насиженнымъ мѣстамъ, у нѣкоторыхъ русско-подданныхъ таранчей является еще обычное родственное тяготѣніе, которое, при нежеланіи или невозможности, для бѣдныхъ, оплатить установленный заграничный билетъ гербовымъ сборомъ (каждый билетъ, съ удостовѣреніемъ и ручательствомъ оплачивался гербовыми марками на 2 р. 20 коп.) и вызываетъ незаконный переходъ границы, обусловливаемый для нѣкоторыхъ таранчей еще и тѣмъ, что заграничныя билеты, по договору 1881 г., могутъ быть выдаваемы собственно только ѣдущимъ по торговымъ дѣламъ. Самовольныя отлучки едвали предотвратятъ и распространное вынѣ право легимитаціонныхъ билетовъ, такъ какъ Джаркентъ отстоитъ отъ границы на болѣе далекое разстояніе, чѣмъ законъ предусматриваетъ для упомянутыхъ билетовъ.

Приграничныя наши кочевники прибѣгаютъ къ незаконнымъ сношеніямъ съ китайско-подданными или для самоуправныхъ расчетовъ, или съ корыстными цѣлями, а потому сношенія эти носятъ иногда характеръ набѣговъ, оканчивающихся отбарантованіемъ разнаго рода скота.

Уже въ первыя пять лѣтъ по переселеніи, китайскія власти возбудили 75 дѣлъ по угону нашими подданными разнаго рода скота. Изъ этихъ претензій 22 были рѣшены пограничной нашей администраціей и по нимъ китайцы получили слѣдующее удовлетвореніе: 587 головъ лошадей, 43 рогатаго скота, 17 верблюдовъ и 290 руб., а всего на сумму, по общепринятой здѣсь между туземцами, при дѣловыхъ расчетахъ, оцѣнкѣ скота, свыше 6000 р. Изъ остальныхъ дѣлъ 14 направлены къ судебной власти, 9 претензій произведенными дознаніями не подтвердились, а прочія разобраны на международныхъ сѣздахъ, бывшихъ въ 1886—1887 г.г. на китайской сторонѣ, на уроч. Кегень. На сѣздахъ этихъ разбирались всѣ взаимныя претензіи китайско—и русско-подданныхъ, возникшія между ними послѣ 15 марта 1882 г., т. е. послѣ передачи Кульджи китайцамъ, а потому сѣздамъ была предъявлена масса дѣлъ, переписки по которымъ не было предварительно возбуждено ни съ русской, ни съ китайской стороны.

Въ 1886 г. на кегенскомъ сѣздѣ туземцами семирѣченской области и проживающими въ Кульджѣ русско-подданными было предъявлено исковъ къ китайцамъ всего 1377, на сумму 383894 руб.; съ китайской стороны къ нашимъ подданнымъ предъявлено было 334 иска, на сумму 293931 р., такъ что въ общемъ предстояло сѣзду рѣшить 1708 дѣлъ, на 677825 р. Впослѣдствіи, по открытіи дѣйствій сѣзда, изъято отъ разбора (передано салавату—забвенію) 386 дѣлъ и не принято къ разбору, согласно особой инструкціи, 116 исковъ по документамъ. Эти исключенныя дѣла относятся къ русскимъ претензіямъ, коихъ, затѣмъ, въ разбору уже осталось только 872. Изъ этого послѣдняго количества на сѣздѣ рѣшено 516 дѣлъ, на сумму 61926 руб. и осуждающіе приговора постановлены народными судьями по 72 дѣламъ, на сумму 8564 р. и послѣдовали отказы по 374 дѣламъ на сумму 43356 р. Нерѣшенныхъ дѣлъ по искамъ туземцевъ семирѣченской области къ китайско-подданнымъ плійскаго края осталось 393, на сумму 236120 руб. По китайскимъ искамъ

разобрано 122 дѣла, на сумму 52644 р., изъ нихъ присуждено по 22 дѣламъ 4618 р. и отказано по 100 дѣламъ на сумму 33969 р., а не рѣшенныхъ китайскихъ исковъ осталось 221 на 241287 р. И здѣсь на сѣздѣ, какъ и вообще у туземцевъ, наиболѣе практиковался простѣйшій способъ рѣшенія дѣлъ передачею на присягу, причемъ составъ суда постановляетъ свое рѣшеніе исключительно только на основаніи результатовъ таковой, т. е. если присяга принята, то отвѣтчикъ безусловно оправдывается, а если не принята, то обвиняется. У киргизъ избранные, одинъ или нѣсколько, присягатели исполняютъ свои обязанности очень просто: въ назначенный судомъ день и часъ присягатель является на опредѣленное мѣсто и говоритъ, что онъ пришелъ на присягу. Это значитъ, что присяга принята. Если же присягатель въ назначенное время совсѣмъ не явится на опредѣленное мѣсто, то присяга не принята. Сторона, въ интересахъ которой бываетъ послѣдній исходъ, нерѣдко прибѣгаетъ къ насилію, задерживая известное время избранныхъ присягателей у себя въ аулѣ связанными, или даже закованными въ конскія путы. Въ рѣдкихъ случаяхъ и въ болѣе населенныхъ мѣстахъ присяга принимается въ мечетяхъ, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ обрядностей и съ одѣваніемъ „смертной рубашки“ (костюмъ, приготовленный для погребенія). На кегенскомъ сѣздѣ каракиргизы (кочевники пржевальскаго и токмакскаго уѣздовъ) заявляли требованія о принятіи присяги предъ кораномъ, съ обязательствомъ надѣть присягателямъ чалмы (особый головной уборъ, обязательный у мусульманъ для лицъ духовнаго сана). Курьезныя требованія встрѣтились при принятіи присяги по дѣламъ между монгодами и сартами: первые обрядность присяги сводили къ задутію присяжнымъ зажженной свѣчи, а послѣдніе требовали выполненія этого особымъ способомъ, который возможенъ только при необходимости „въ малой естественной надобности“. Калмыки являлись истцами и притязанія нашихъ сартовъ были ими предъявлены мнѣ на разрѣшеніе, причемъ согласіе было весьма легко возобновлено тѣмъ убѣжденіемъ,

что тотъ и другой способъ весьма легко выполнимы, а потому и спорить здѣсь не о чемъ.

Послѣдующій международный съѣздъ 1887 г. на Кегенѣ увѣнчался еще большимъ успѣхомъ: было разобрано съ обѣихъ сторонъ весьма много дѣлъ и дѣлъ весьма серьезныхъ.

Благодаря административнымъ взысканіямъ, судебнымъ преслѣдованіямъ и результатамъ двухъ международныхъ съѣздовъ, баранты и угонъ скота съ китайской стороны нашими подданными совершенно пріутихли и въ 1890 г., напримѣръ, по претензіямъ китайско-подданныхъ и нашихъ въ джаркентскомъ уѣздномъ управленіи возникло всего 23 дѣла, изъ коихъ 13 по искамъ китайцевъ и 10 по претензіямъ нашихъ подданныхъ. Первые всѣ окончены, а изъ послѣднихъ кончено только 3. Въ послѣдующемъ году случаевъ угона почти не было. Однимъ изъ главныхъ затрудненій къ скорому удовлетворенію китайцевъ административнымъ порядкомъ, въ случаяхъ угона у нихъ скота, служить всегда неисполненіе передовыми китайскими постами требованій въ этомъ отношеніи инструкціи о пограничномъ надзорѣ, основанной по существу на договорѣ 1881 г. и на протоколѣ особаго совѣщанія въ Петербургѣ.

Такъ, при угонѣ скота обязательно сдавать слѣды, если таковые уходятъ въ русскіе предѣлы, на ближайшій изъ нашихъ передовыхъ постовъ, который производитъ предварительные розыски и затѣмъ уже о результатахъ сообщаетъ администрація. Китайскіе посты, благодаря выше характеризованному отношенію своему къ службѣ, по горячимъ слѣдамъ никогда почти не преслѣдуютъ преступниковъ и не отыскиваютъ слѣдовъ, а о каждомъ угонѣ поступаютъ только голословныя заявленія, чрезъ нашего консула, отъ комисіи русско-китайскихъ дѣлъ, или отъ даотая-ина, которая до уѣздной администраціи доходитъ лишь значительное время спустя послѣ самаго происшествія. При такомъ обстоятельстве и безъ всякой руководящей нити въ предварительныхъ китайскихъ сообщеніяхъ трудно бываетъ отыскивать дѣйствительно винов-

ныхъ, а потому часто приходится относить отвѣтственность на дѣлья общества, на территоріи коихъ въ нашихъ предѣлахъ найдены будутъ слѣды угнаннаго скота. Совсѣмъ другое отношеніе встрѣчается по претензіямъ нашихъ подданныхъ объ угонѣ скота жителями илійскаго края: китайскія власти не только отказываютъ въ удовлетвореніи, но даже не принимаютъ къ своему разсмотрѣнію дѣлъ объ угонахъ, по коимъ не имѣется квитанцій о приѣмѣ слѣдовъ подлежащими китайскими постами. Между тѣмъ, получить эти квитанціи не особенно легко: китайскіе посты обыкновенно отговариваются или неимѣніемъ у нихъ грамотныхъ, или отсутствіемъ старшаго на посту чиновника, безъ котораго подчиненные яко-бы не имѣютъ права выдавать никакихъ документовъ, — тогда какъ у насъ на офицерскихъ постахъ нерѣдко выдаютъ квитанціи вахмистры и урядники, — или же, наконецъ, выдаютъ квитанцію темнаго содержанія, съ пустымъ наборомъ словъ, а иногда вмѣсто квитанцій, изображается какая-либо молитва, и все это наши подданные, по незнанію китайскаго и манчжурскаго языковъ, съ довѣрчивостью должны принимать. Еще въ самомъ началѣ дѣла о возвратѣ Кульджи, семирѣченская администрація, озабочиваясь обезпеченіемъ мирной жизни на вновь проектированной границѣ нашей съ Китаемъ, предполагала несомнѣнно сократить размѣры заселенія приграничной полосы туземцами и кочевниками, образовавъ здѣсь значительныя казачьи поселенія изъ осѣдлыхъ жителей Семирѣчья, пожелавшихъ перейти въ казачье сословіе. Но планъ этотъ не осуществился и по самой границѣ устроились только два незначительныхъ поселка, съ населеніемъ преимущественно изъ сибирскихъ казаковъ, а одна изъ предполагавшихся подъ казачью станицу площадей занята вынѣ г. Джаркентомъ.

Ненарушимость протяженія пограничной линіи и ея направленія, опредѣленныхъ по договору 1881 г., а равно и цѣлость пограничныхъ столбовъ провѣряется чрезъ каждые три года особыми комиссіями изъ русскихъ и китайскихъ чиновниковъ. Первая подобная провѣрка по опредѣленію гра-

ницы состоялась въ 1885 г. марта 10-го 1882 г. кульджинскій край былъ переданъ официально китайскимъ властямъ полномочнымъ комиссаромъ, а ровно черезъ годъ и наши войска оккупационнаго отряда, находившіяся временно въ бывшемъ кульджинскомъ районѣ для поддержанія порядка и охраненія нашихъ подданныхъ, не успѣвшихъ еще переселиться изъ Кульджи, находились уже на Хоргосѣ, на русской территоріи ¹⁾, такъ что съ этого времени безусловно начинается единоначальное владычество китайцевъ надъ илійскимъ краемъ. Первоначально резиденція главнаго управленія, сосредоточивавшагося у китайцевъ въ лицѣ цзянь-цзюня (первымъ по возвратѣ Кульджи илійскимъ цзянь-цзюнемъ былъ сановникъ Дзи), была въ Суйдунѣ (на половинѣ разстоянія отъ границы нашей до Кульджи), гдѣ китайцы возвели значительную крѣпость, а вблизи Суйдуна расположены были многіе инпаны; остальные же войска размѣщены были по крѣпостямъ Чинчаходзи (въ 40, примѣрно, верстахъ отъ нашей границы, по старой почтовой дорогѣ) и Чимпандзе (въ 7 верстахъ отъ границы). О численномъ составѣ китайскихъ войскъ въ первые годы ихъ управленія возвращеннымъ илійскимъ краемъ частныя свѣдѣнія стали появляться только въ началѣ 1885 г., благодаря одному печальному случаю изъ внутренней китайской жизни въ илійской провинціи—открытому возмущенію противъ своихъ начальниковъ части войскъ, расположенныхъ близъ Суйдуна.

Происшествіе это началось въ ночь на 18 марта 1885 года, къ каковому времени въ самомъ Суйдунѣ и вблизи его расположено было солдатъ изъ черныхъ китайцевъ до 4 тысячъ человекъ, изъ коихъ отъ 1300—1600 помѣщалось при цзянь-цзюнѣ, въ самой крѣпости, а остальные въ окрестныхъ инпанахъ. Всѣ эти солдаты продовольствовались на одинаковомъ положеніи, получая въ день только два фунта черной

¹⁾ Приказъ по войскамъ и управленіямъ семирѣченской области отъ 10 марта 1883 г. за № 31/132.

муки и ни крупинки соли, ни золотника мяса, ни гроша денегъ. Такое аскетическое положеніе тянулось, говорили, долго и возбуждаемый у солдатъ сильнымъ голодомъ ропотъ возросъ въ послѣднее время до того, что всѣ суйдунскіе инпаны, не исключая и крѣпостныхъ солдатъ, рѣшились убить цзянь-цзюня, отложивъ кровавую расправу до 15-го числа, когда цзянь-цзюнь (долженъ-бы былъ, по обыкновенію, поѣхать въ кумирню для совершенія обычнаго молебствія. Но одинъ изъ военныхъ начальниковъ предупредилъ цзянь-цзюня о заговорѣ и поѣздка въ кумирню не состоялась.

18 числа въ 9 часовъ вечера взбунтовался 1-й инпанъ, убилъ своего дарына (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ убитый-то и донесъ о заговорѣ, по другимъ же, сдѣлалъ это чинъ ниже дарына, который тоже былъ убитъ, а самъ дарынъ былъ умерщвленъ за то, что въ началѣ движенія не хотѣлъ стать во главѣ своихъ солдатъ), зажегъ казарменные зданія и затѣмъ отправился въ казарму, расположенную на базарной площади, дабы вызвать на бунтъ другой инпанъ. Здѣсь, говорятъ, все было тихо и потому бунтовавшіе разсердились, что товарищи, не поддерживая бунта, какъ бы измѣняютъ имъ и начали стрѣлять въ казарму изъ ружей. Это произвело переполохъ, солдаты выскочили и присоединились къ бунтовщикамъ. Подробностей присоединенія остальныхъ двухъ инпановъ неизвѣстно, но только ночью-же начался грабежъ на базарѣ: брали деньги, скотъ, хлѣбъ и мясо, но товаровъ не трогали. Говорятъ, заѣли нѣсколько лавокъ нашихъ сартовъ, но у извѣстныхъ торговцевъ изъ татаръ все было благополучно. Вообще-же во все время исторія отношеніе бунтовщиковъ къ русскимъ подданнымъ было мирное¹⁾. На другой день бунтовщики, опасаясь, что цзянь-цзюнь снесетъ съ нашимъ консуломъ о присылкѣ къ нему на помощь русскихъ солдатъ и что это бу-

¹⁾ По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, возбудивъ другой инпанъ, бунтовщики отправились въ Тарджи (предмѣстѣе Суйдуна), гдѣ награбили лошадей и оружія и взбунтовали манчжурскихъ солдатъ, а потомъ уже вернулись въ Суйдунъ для грабежей на базарѣ.

детъ уважено, пошли по направленію къ Талкамъ (ущелье на с. отъ Суйдуна), встрѣтили гдѣ то обозъ арбакешей и отобрали лошадей, утѣшивъ хозяевъ, что пусть они обратятся къ цзянь-цзюню и потребуютъ по 100 руб. за лошадь въ счетъ слѣдующаго солдатамъ серебра.

Стоящіе въ Чинчаходзи войска, числомъ до 1000 человекъ, были вытребованы во время бунта въ Суйдунъ и тогда только цзянь-цзюнь рѣшился выйти изъ крѣпости и выѣхалъ на встрѣчу къ войскамъ, по слухамъ, въ каковой то короткой, невзрачной курткѣ, обвязанный платкомъ вмѣсто шляпы. Объясняютъ это и обвязаннымъ его до растерянности страхомъ, и желаніемъ не быть узаннымъ по костюму своими недоброжелателями. При приближеніи цзянь-цзюня чинчаходзійскіе солдаты будто бы подняли ружья къ небу (условный знакъ единомыслія съ бунтовщиками) и этимъ заставили сановника немедленно удалиться въ крѣпость, гдѣ будто бы цзянь-цзюнь надѣлъ на себя смертную курму, ожидая встрѣтить насильственную кончину. Въ погоню за удалившимися бунтовщиками было отправлено 500 сибинцевъ, 500 солоновъ и цзянь-цзюньское войско ¹⁾. Между преслѣдователями и бунтовщиками произошла схватка въ мѣстности между Дакъ-янзы, при чемъ бунтовщики будто бы убили 100 сибинцевъ, захватили много лошадей, а преслѣдователи задержали 17 чампановъ, кои въ Суйдунѣ и казнены, а головы ихъ выставлены въ кѣтъвахъ. Интересно, что шайка бунтовавшихъ увеличилась на пути, такъ какъ въ Сайрамѣ присоединился къ нимъ стоявшій здѣсь инпанъ. Это, въ связи съ соображеніемъ, что бунтовщикамъ не совѣмъ то безопасно явиться на глаза вышшему начальству (Людзунтану) съ жалобой на цзянь-цзюня (по разсказамъ, удаляясь изъ Суйдуна, они угрожали именно

¹⁾ Что подъ послѣднимъ слѣдуетъ понимать—никто толкомъ объяснить не могъ. Известно только, что предъ бунтомъ—цзянь-цзюнь всѣхъ крѣпостныхъ солдатъ, какъ ненадежныхъ, обезоружилъ и распустилъ, оставивъ при себѣ лишь 200 наемныхъ калмыковъ. Неужели и эту послѣднюю свою охрану онъ рѣшился отпустить въ погоню?...

этимъ), наводило на мысль, что исторія еще не кончена и бунтовщики могут вернуться, тѣмъ болѣе, что между остававшимися тогда въ Суйдунѣ, распущенными изъ крѣпости, безоружными, продолжали расти неудовольствія, но не въ силу уже голода (часть серебра имъ роздали, но продать его было не кому, ибо торговцы разѣхались въ Кульджу и цѣна на ямбу въ Суйдунѣ тогда значительно понизилась), а потому, что цзянь-цзюнь отнял у нихъ оружіе. Но опасенія эти оказались напрасными и чрезъ нѣсколько дней вся исторія была покончена. Нѣкоторые изъ начальниковъ этихъ солдатъ имѣли разговоръ съ нашими дунганамъ послѣ бунта, при чемъ особенно настоятельно требовали категорическихъ отвѣтовъ на слѣдующіе вопросы: пришлетъ-ли русскій консулъ помощь русскими войсками, когда цзянь-цзюню будетъ плохо и отдадутъ-ли русскіе обратно солдатъ, намѣреющихся будто бы по окончаніи расправы съ цзянь-цзюнемъ, объявить себя русско-подданными, когда богдыханъ пришлетъ подкрѣпленія войскамъ.

Исторія эта повліяла, безъ сомнѣнія, на послѣдовавшее вскорѣ удаленіе цзянь-цзюня отъ должности, съ замѣною его сановникомъ Си (Си-лунь), а ровно чрезъ годъ центральными властями былъ командированъ временно въ илийскій край и высшій сановникъ Людзинь-тань, пробывшій здѣсь, впрочемъ, очень не долго.

Въ іюль 1886 г. между нашими подданными туземцами распространились упорные слухи о томъ, что въ Суйдунѣ будетъ направлено изъ другихъ провинцій, для усиленія мѣстныхъ войскъ, до 20000 солдатъ, но слухи эти оказались не вѣрными и были своевременно разсѣяны нашимъ консуломъ въ Кульджѣ по тѣмъ соображеніямъ, что привлеченіе массы войскъ въ кульджинскій край въ то время было невозможно, такъ какъ тогда въ Кульджѣ не было достаточнаго количества ни хлѣба, ни клевера ¹⁾. Въ началѣ декабря 1886 г. въ Суйдунѣ

¹⁾ Помимо прямого своего назначенія, какъ кормовая трава, молодые листья клевера продаются на суйдунскомъ базарѣ ранней весной (конецъ

также подготовлялся бунтъ войскъ, вызванный неполученіемъ жалованья, но Си-лунъ раздобылъ немного серебра для раздачи солдатамъ и послѣдніе притихли.

Въ 1888 г. мѣсто Си-луна заступилъ цзянь-цзюнь Се, котораго окончательно погубили денежные затрудненія. По недостатку серебра сановникъ этотъ выпустилъ китайскія бумажныя деньги (тезы) и ввелъ въ употребленіе мѣдную монету (ярмаки), чего не было въ сосѣднихъ провинціяхъ. Этотъ своего рода внутренній заемъ, впредь до полученія серебра, былъ предположенъ на строго опредѣленную сумму, но, при ликвидаціи такового обмѣномъ на серебро, ярмаковъ было предъявлено на громадную несравненно съ выпущенной суммю. Явное банкротство, объяснившееся наплывомъ мѣдной монеты изъ другихъ мѣстъ, гдѣ она была не въ ходу или обращалась по низшему курсу, чѣмъ въ Суйдунѣ, довело бѣднаго сановника и его жену до самоубійства. Се-цзянь-цзюнь отравился (по слухамъ, хлористымъ золотомъ) лѣтомъ 1890 г. Послѣ него должность цзянь-цзюня илійскаго оставалась не замѣщенной и ее временно отправлялъ одинъ изъ суйдунскихъ сановниковъ; главное же мѣстное управленіе илійскимъ краемъ сосредоточено было въ лицѣ даотая-Ина, живущаго въ Кульджѣ.

Въ послѣдующее время военныя силы китайцевъ въ илійскомъ краѣ, между Кульджею и Хоргосомъ, расположены были такъ: 1) въ самой Кульджѣ одинъ пѣхотный инпанъ и за городомъ—кавалерійскій, 2) на Баяндаѣ (западнѣе Кульджи) 1 инпанъ, занятый манджурами, 3) еще далѣе на западъ въ мѣстности Цзялинцзы,—человѣкъ 30—50 конницы, 4) подъ Суйдуномъ, верстъ за 8, въ мѣстности Ямбулакъ, небольшой пикетъ человѣкъ 20 солдатъ, 5) въ самомъ Суйдунѣ 7 инпановъ пѣхоты и кавалеріи, изъ нихъ одинъ построенъ въ сѣверныхъ горахъ, лежащихъ противъ Суйдуна, а другой—на

марта и начало апрѣля) какъ зелень для употребленія въ пищу. Это обстоятельство, какъ кажется, послужило поводомъ къ предположеніямъ, что возвратившіеся добровольно изъ нашихъ предѣловъ къ китайцамъ калмыки первоначально бѣдствовали тамъ до того, что «питались даже клеверомъ».

большой дорогѣ, не вдалькѣ отъ суйдунскаго консульскаго помѣщенія, 6) въ Тарджахъ (предмѣстье Суйдуна съ запада) конный инпанъ, 7) Санда хоцзы—прежде стоялъ конный инпанъ, а потомъ 30 человекъ, 8) новоустроенный инпанъ на Даурѣ 30 чел., 9) крѣпость Чинпанзи—конный и пѣшій инпанъ, 10) Никанъ-карунь 20 чел. китаецевъ. Слѣдуетъ упомянуть еще о пустыхъ пока инпанахъ между №№ 8 и 9 и на востокъ отъ 10, а также о вновь возводимомъ инпанѣ на уроч. Кегень, на сѣверъ отъ Никанъ-Коруна, въ ущельѣ, гдѣ бываетъ международный сѣздъ.

Главнымъ центромъ военныхъ силъ илійскаго края, какъ видно, является г. Суйдунъ, но такихъ силъ въ этой провинціи вообще очень не много. Какъ интересный проэктъ китаецевъ для защиты границы отъ барантачей является возникшее у нихъ въ началѣ девятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія предположеніе построить вдоль границы стѣну (нѣчто въ родѣ „великой стѣны“); стѣна эта должна прерываться только тамъ, гдѣ сама природа представляетъ непреодолимая, естественныя препятствія для безопаснаго перехода границы. Не столько въ силу какого-либо превосходства своихъ военныхъ силъ, сколько изъ тщеславнаго желанія импонировать предъ туземцами, желанія привлечь ихъ на свою сторону и заселить пустой, но благодатный, илійскій край, китаецы въ первое время по отношенію къ русскимъ держали себя довольно заносчиво и гордо, а по временамъ даже дерзко. Обращеніе послѣдняго рода замѣчалось еще въ 1887 г. даже между торговцами и посѣщеніе, напри- мѣръ, суйдунскаго базара, въ своемъ родѣ довольно любопытнаго, не представлялось тогда пріятнымъ отъ назойливости толпы и грубаго обращенія торговцевъ, не снисходившихъ къ русскимъ не только до малѣйшей уступки въ цѣнѣ, но даже и до простаго разговора.

Въ позднѣйшее время отношенія эти сдѣлались значительно мягче, и со стороны торговцевъ даже заискивающими, что вызывается застоємъ торговли на мѣстныхъ рынкахъ

и возвышеніемъ курса, свыше нормальнаго, русскаго кредитнаго рубля послѣ выпуска илійскими властями тѣзъ и армаковъ.

Обширный городъ Суйдунъ, обнесенный капитальными стѣнами изъ синяго китайскаго кирпича, со множествомъ воротъ и сторожевыхъ будоуь на стѣнахъ, имѣетъ нѣсколько отдѣльныхъ базаровъ для разныхъ народностей: китайскій, дунганскій, сартовскій.

На китайскомъ базарѣ сосредоточивается вся обыденная жизнь обитателей Суйдуна, ибо мужское населеніе, съ ранней поры и до вечера (ворота въ Суйдунъ отворяются около 6 часовъ утра и запираются вечеромъ около того же времени), привыкло проводить время на базарѣ, продовольствуясь тамъ въ гостинницахъ, или у многочисленныхъ разносчиковъ приготовленной провизіей; здѣсь же, на улицѣ совершаются операціи убрания головы, починается старое платье и обувь, изготавливается и примѣряется новое и т. п.—однимъ словомъ базарная жизнь кипитъ и пестрѣетъ довольно живо и разнообразно. Жаль одного, что узкія и грязныя улицы, на которыя совершенно безпрепятственно поступаютъ всѣ органическіе отбросы и нечистоты (китайцы на улицѣ въ обращеніи со своей особой слишкомъ безцеремонны и то, что у насъ требуетъ обязательнаго уединенія и особыхъ мѣстъ, у нихъ совершается открыто на улицѣ), затрудняютъ свободу передвиженія, а зловоніе для непривычнаго человѣка становится сущимъ наказаніемъ.

Наиболѣе русскихъ на китайскомъ базарѣ привлекаютъ лавки съ посудою и шелковыми матеріями. Въ первыхъ продаются разнаго рода вазы, блюда, чайники, чашки, китайскіе чернильные приборы (мѣдные), трубки и т. п., а въ послѣднихъ—канфа разныхъ цвѣтовъ, дурдунъ, фанза, чесунча и т. п. Въ мануфактурныхъ лавкахъ какъ въ Суйдунѣ, такъ и въ Кульджѣ перѣдко встрѣчаются въ послѣднее время матеріи англійскаго издѣлія, удостовѣряемаго существующими на

нихъ пломбами и ярлыками. Впрочемъ, китайскіе магазины не отличаются специализаціею торговли и во всѣхъ почти изъ нихъ можно найти посуду, матерію, чай, табакъ (нюхательный) и гастрономическія рѣдкости.

Русскій кредитный рубль при промѣнѣ на тѣзы и ярмаки имѣетъ на суйдунскомъ рынкѣ лажу 10 коп., почему при продажѣ товаровъ купцы освѣдомляются у покупателя о средствахъ уплаты и при платежѣ русскими деньгами, сообразно изложенному, понижаютъ еще цѣну. На суйдунскомъ базарѣ открыты особыя мѣняльныя лавочки для обмѣна китайскихъ денегъ на русскіе кредитные билеты, или размѣнное серебро, съ промѣномъ въ 10 коп. на рубль. Къ этому неизбѣжно должны прибѣгать торговцы, имѣющіе сношеніе съ русскими рынками, на которыхъ ни тѣзы, ни ярмаки не обращаются.

Мягкость отношеній къ русскимъ проглядывала уже по истеченіи перваго десятилѣтія послѣ передачи Кульджи и въ частной жизни, гдѣ по крайней мѣрѣ китайская интеллигенція старалась быть возможно любезною и гостепріимною, хотя на особую искренность при этомъ полагаться было нельзя.

Гостепріимство китайцевъ отчасти вытекаетъ изъ свойства ихъ натуры, дѣлающаго китайцевъ большими гастрономами и любителями кушать съ ранняго утра и до поздняго вечера, а потому трудно обычный день въ китайской жизни, въ смыслѣ утоленія голода и жажды, распределить на извѣстные часы. Извѣстно, что китайцы измѣряютъ свои не только физическія, но и умственныя силы состояніемъ желудка и обычное привѣтствіе при встрѣчѣ вопросомъ о здоровьѣ нерѣдко замѣняютъ фразою: „Кушали-ли вы сегодня?“ (чй-ля-ма?).

При такомъ возведеніи въ культъ гастрономическихъ наслажденій не излишнимъ будетъ коснуться здѣсь нѣкоторыхъ подробностей о кулинарномъ искусствѣ китайцевъ илийскаго края, при чемъ рѣчь пойдетъ объ одномъ неподготов-

ленномъ и двухъ, такъ называемыхъ, „званныхъ“ обѣдахъ у китайскихъ сановниковъ (одинъ—въ должности корпуснаго командира, а другой—бывшій предсѣдатель комиссіи русско-китайскихъ дѣлъ).

Угощеніе открывается неизбѣжнымъ чаемъ, со всевозможными, по времени года, свѣжими и сухими фруктами и конфектами, имѣющимися подъ рукой. Чай подается обыкновенно зеленый, сильно душистый отъ присутствія въ немъ достаточнаго количества жасминныхъ и розовыхъ цвѣтовъ, а обиліе сахара, подслаждаемаго въ чашки черезчуръ самимъ хозяиномъ, доводитъ жидкость до состоянія сиропа. За чаемъ, обыкновенно, подается и шампанское, если таковое имѣется въ запасѣ, или—если пріѣзжій гость преподнесъ шампанское хозяину въ числѣ обычныхъ подарковъ, по поводу коихъ приходится сдѣлать невольное отступленіе.

Въ обычаѣ у китайцевъ при первомъ визитѣ къ русскимъ (рѣчь идетъ только о служащемъ классѣ) привозить съ собою подарки, обыкновенно аршинъ 8 какой либо шелковой матеріи, нѣсколько коробокъ зеленого чая, или китайскихъ печеній, грушъ, а иногда даже арбузовъ и дынь и т. п. Разумѣется, цѣнность и количество подарковъ зависятъ отъ служебнаго положенія лица, дѣлающаго визитъ, и того, кому эти подарки предназначены. Иногда китайцы, напримѣръ, цзянь-цзюнь, посылая въ Джаркентъ одного изъ своихъ чиновниковъ для привѣтствія пріѣзжающихъ туда нашихъ областныхъ властей, присылаютъ даже заочно привѣтственные подарки. Обычай этотъ соблюдается также и русскими: какъ при первоначальныхъ визитахъ, такъ и при отвѣтахъ на таковыя русскіе дарятъ обыкновенно сладости (конфекты, варенье, англійское печеніе) и вино (китайцы любятъ шампанское, коньякъ и наливки), а иногда и какуюнибудь занятную вещь особаго устройства: карманные часы, стѣнные съ кукушкой, музыкальные ящики и т. п. Стоимость подарковъ съ той и другой стороны бываетъ безошибочно равная и въ этомъ

отношеніи можно привести одинъ выдающійся случай: одному сановнику были поднесены разнообразныя мелочныя подарки изъ 5 сортовъ вина, подсвѣчниковъ съ плато подъ нихъ и нѣсколькими фунтами свѣчей (это принято), бонбоньерокъ съ конфетами и бенгальскихъ огней. Казалось бы, не только стоимость, но даже и самое употребленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ китайцамъ не извѣстно, но получившій ихъ сановникъ тщательно разрѣшилъ эту задачу, преподнеся отвѣтно то же количество матеріи, чаю, печеній и грушъ, стоимость котораго равнялась цѣнности полученныхъ имъ подарковъ, руководясь въ этомъ случаѣ тактомъ—не обидѣть меньшими подарками и не довести до непріятной хвастливости избытокъ таковыхъ.

Первый изъ видѣнныхъ мною китайскихъ обѣдовъ былъ спѣшныи и для хозяина неожиданныи, а потому на сервированномъ послѣ чая особомъ маленькомъ, четырехъ-угольномъ китайскомъ столикѣ, не покрытомъ скатертью и съ замѣною салфетокъ цвѣтными (синими) платками, фигурировали блюда, исключительно приготовленныя изъ барана (китайцы скотскаго мяса не ѣдятъ изъ особаго почитанія рогатаго скота, какъ весьма полезной рабочей силы). Тѣмъ не менѣе количество блюдъ доходило до 20 и по угламъ стола разставлены были разной окраски и фигурности дополняющія сервировку украшенія изъ того же бараньяго мяса. Другой торжественный обѣдъ, въ именины одного изъ сановниковъ, продолжался нѣсколько часовъ и состоялъ изъ трехъ отдѣленій. Первое замѣняло нашу закуску и состояло изъ массы гастрономическихъ тонкостей, привозимыхъ изъ Пекина. Это—самая роскошная и оживленная часть обѣда, въ которой тонкость блюдъ усиленно спорить съ неудовлетвореннымъ еще аппетитомъ, возбуждаемымъ и на глазъ разнообразіемъ перемѣняемыхъ постоянно блюдъ, или, вѣрнѣе, небольшихъ глубокихъ фарфоровыхъ чашекъ, въ коихъ кушанья подаются. Оживленіе поддерживается и постоянно подливаемымъ въ

маленькія чашки виномъ, какое только имѣется у хозяина, безъ всякой сортировки и подраздѣленія вина сообразно подаваемымъ блюдамъ, и доходить до того, что китайцы, закусывая, начинаютъ за столомъ особую игру на пальцахъ, называемую дунганями хуа-чуан-ни и состоящую въ слѣдующемъ: двое гостей одновременно и быстро должны выкидывать изъ подъ стола правую руку, сжатую въ кулакъ, но съ нѣсколькими (по желанію) отогнутыми пальцами и если число послѣднихъ оказывается у играющихъ одинаково, то партія безъ проигрыша, а въ противномъ случаѣ выигрываетъ тотъ, у котораго окажется больше отогнутыхъ пальцевъ. Провигравшій долженъ каждый разъ выпивать чашечку чжунъ-чжуна или вина,—исходъ игры весьма своеобразный.

Обиліе блюдъ въ первой части обѣда не исчерпывается даже нижеслѣдующими кушаньями, образцы коихъ, въ сухомъ видѣ, удалось собрать на суйдунскомъ и кульджинскомъ базарахъ: 1) плавниковыя перья акулы, разваренныя въ соусѣ (очень вкусны), 2) юй-ду, по дунгански янь-фунъ (рыбье брюхо), 3) хэй-могу (черные грибы), 4) минъ-цзянь-лекарственное растеніе, произрастающее въ провинціи Фу-цзянь, 5) плоды ненюфаръ (лотосъ), подаются въ сладкомъ соусѣ, 6) да-ся-ми, по дунгански тами,—хвостики морскихъ раковъ, 7) хай-дай-сы— буквально въ переводѣ морскія нити, 8) хунъ-цзыэ—морскія водоросли, 9) лу-джо—тоже, 10) юй-юй—какая-то рыба, 11) чжу-сунъ—бамбуковые ростки, 12) хуанъ-хуа-цай—желто-цвѣточныя овощи, 13) цвѣты лотоса, подаются въ сладкомъ соусѣ, 14) лунъ-сю-цай—морская спаржа, 15) юй-лань-нянь—магнолія, 16) черное вещество (названіе не извѣстно), при разогрѣваніи въ водѣ сильно разбухаетъ и дѣлается упругимъ, какъ резина, 17) цзянь-и-чжу—мясо морской змѣи и 18) квашенныя яйца, приготовляемыя особымъ способомъ (обмазанныя глиной запаиваются въ землю, гдѣ, по настоящему, должны вылежать 100 лѣтъ, но китайскіе гаст-

рономы курсъ этотъ значительно сокращаютъ, выдерживая лишь 5—6 лѣтъ). Разумѣется, здѣсь поименованы далеко не всѣ изъ пикантныхъ китайскихъ закусокъ, классификація коихъ въ ботаническомъ, ихтіологическомъ и зоологическомъ отношеніи затруднительна, а потому имъ приданы здѣсь только китайскія, съ переводомъ, названія.

Во второй части обѣда подается жаркое изъ баранины, куръ, фазановъ, утокъ и свинины. Здѣсь особенно выдается жареное, очень горячее, баранье сало (курдюкъ), посыпанное сахаромъ (въ горячемъ видѣ оно очень вкусно, но ѣсть его небезопасно отъ обжоба) и свинина особой мелкой породы китайскихъ свиней, почти безъ мяса, съ однимъ саломъ, тающимъ во рту какъ лучшее сливочное масло. Иногда подается образцово поджаренный цѣльный поросенокъ. Послѣ этой части обѣда гостямъ дается отдыхъ, они уходятъ въ особую комнату, гдѣ большинство куритъ опиумъ или пьетъ чай, а нѣкоторые изъ первыхъ, возлежа, даже засыпаютъ.

Затѣмъ слѣдуетъ снова выходъ въ столовую и подаются супы (бараньи, куриные съ рисомъ, иногда и очень цѣнный супъ изъ такъ называемаго „ласточкина гнѣзда“, съ голубиными яйцами); послѣ супу въ отдѣльныхъ чашкахъ подается одинъ разварной рисъ, запиваемый подогрѣтой китайской водкой (чжунъ-чжунъ, хлѣбное неочищенное вино, съ достаточнымъ содержаніемъ сивушнаго масла) и въ заключеніе—по одному на персону маленькому прѣсному, паровому китайскому хлѣбцу.

Нужно замѣтить, что весь китайскій обѣдъ подается безъ хлѣба и соли; послѣднюю отчасти замѣняетъ усердно подливаемая въ бушанья особая китайская соя, не горькая, очень пикантная на вкусъ и сильно возбуждающая аппетитъ. Сервировка отличается отсутствіемъ ложекъ, ножей и вилокъ; первыя и послѣднія замѣняются двумя деревянными палочками (куай-цзы), которыми китайцы работаютъ очень ловко, а

въ ножахъ нѣтъ надобности, таже какъ даже и жаркое подается нарѣзаннымъ мелкими кусочками. Впрочемъ, у богатыхъ для обѣдающихъ русскихъ, не умѣющихъ владѣть палочками, находятся очень тонкія серебряныя вилки, въ два рожа, и таковыя же круглыя маленькія ложки.

Отношенія китайскихъ властей илійскаго края къ своему туземному населенію, ведущему спорныя занятія (земледѣліе, скотоводство, торговлю), оказываются довольно стѣснительными для его благосостоянія и нѣкоторыя, обременительныя, мѣры принимаются, какъ кажется, не столько въ интересахъ государственной казны, сколько по алчности и недобросовѣстности отдѣльныхъ начальниковъ. Въ этомъ смыслѣ извѣстны слѣдующіе факты, относящіеся къ 1890 г.: лѣтомъ того же года владѣемые таранчами, дунганями и китайскими торговцами въ Кульджѣ лавки, на которыя у нихъ были даже письменные документы, были вновь перепроданы имъ же со взиманіемъ отъ 7—250 сарѣ серебра за каждую, но съ пичанцевъ и турфанцевъ получено не деньгами, а пшеницею.

Тѣмъ не менѣе отношенія туземцевъ къ илійскимъ китайскимъ властямъ не возбуждаютъ негодованій, а полны пова признательности, что доказываютъ практикующіеся и здѣсь обычая китайцевъ подчиненныхъ въ отношеніи къ своимъ сановникамъ, оставляющимъ службу при хорошей репутаціи: 1) обувь таковыхъ сановниковъ вывѣшивается на бойкихъ мѣстахъ у крѣпостныхъ и базарныхъ воротъ для воспоминаній о хорошемъ начальникѣ; 2) нерѣдко подчиненные при оставленіи начальникомъ одной должности выдаютъ ему одобрительную аттестацію, которая гарантируетъ отъѣзжающаго отъ всякихъ дальнѣйшихъ претензій и жалобъ бывшихъ его подчиненныхъ.

Находящійся у меня образецъ такой аттестаціи представляетъ собою досеутъ плотнаго краснаго китайскаго атласа, болѣе двухъ аршинъ длины и аршина ширины (родъ знамени), со слѣдующею, дословно переводимую, надписью золотыми буквами:

„Сначала и до конца
равно справедливому“.

Въ 27-мъ году правленія китайскаго императора Дао-гуань (1846), въ кульджинскомъ районѣ былъ одинъ должностной человекъ Гай-далое (съ дѣтьми, въ числѣ 9 человекъ), который на должности былъ справедливъ и выносливъ, всѣ законныя требованія по обязанности исполнялъ и перешелъ въ другое мѣсто съ повышеніемъ, а потому и дали войска (подчиненныя ему) эту вывѣску (аттестатъ). Гай-дарынъ съ 27 года по 44-й годъ управлялъ по справедливости“.

Переступивъ русско-китайскую границу на Хоргосѣ*), часть переселившихся таранчей осѣла тутъ же на самомъ берегу (правомъ) упомянутой пограничной рѣки, а остальные разстались по сторонамъ отъ почтовой дороги на Джаркентъ: болѣе же значительныя группы обосновались при самой почтовой дорогѣ—на Авкентѣ и Джаркентѣ и лишь не большое селеніе Чаловай расположилось на югъ отъ Джаркента, по рѣкѣ Уссеку.

Въ Джаркентѣ уже къ концу перваго по переселенію года (1882 г.) было устроено свыше 500 таранчинскихъ домовъ, а чрезъ 10 лѣтъ таранчинское населеніе города Джаркента доходило до 3000 душъ обоего пола.

Здѣсь-же устроились и дунгане въ числѣ нѣсколькихъ душъ обоего пола, и Джаркентъ, ставшій уѣзднымъ городомъ со именнаго уѣзда семирѣченской области, служить резиденціей волостного управленія джаркентскихъ таранчинской и дунганской волостей.

*) Хоргосъ, или собственно Кургасъ, рѣка, составляющая часть пограничной черты съ Китаемъ, до впаденія въ р. Или, протекаетъ западнѣе на 36 верстъ горной рѣчки Усекъ, при которой расположенъ уѣздный городъ Джаркентъ (яръ-кентъ-селеніе на яру, подлѣ обрывомъ, какъ и есть въ дѣйствительности), называемый китайцами Самара.

Какъ городское населеніе, поселившіеся въ Джаркентѣ таранчи и дунгане уплачивали городской и казенный налоги со своихъ недвижимостей, а за пользованіе участками земли на городскомъ выгонѣ подъ земледѣліе и садоводство вносили также установленную плату. Это не измѣнилось и по надѣленіи ихъ землею, за которую таранчи и дунгане должны были уплачивать оброчную подать.

Такимъ образомъ, устроившіеся въ Джаркентѣ выходцы изъ кульджинскаго района на первыхъ же порахъ выдерживали платежи денежныхъ повинностей, какъ городское и какъ сельское населеніе. Однакожь, не смотря на это и на сопряженное съ переходомъ экономическое потрясеніе, недоимокъ за переселенцами не накоплялось.

Между тѣмъ домообзаводство и хозяйственное устройство на первыхъ порахъ предъявляло имъ же два существенныхъ затрудненія—недостатокъ лѣса, который приходилось доставать изъ удаленныхъ горъ, и необходимость тотчасъ же обезпечить себя устройствомъ оросительныхъ канавъ (арыковъ), такъ какъ въ занятой ими мѣстности безъ искусственнаго орошенія не выростетъ даже и сорной травы, а не только хлѣба и фруктовъ, которыми изобилуетъ Джаркентъ.

Потребность въ лѣсномъ матеріалѣ была предвидѣна переселенцами при самомъ водвореніи и потому они выбрали изъ прежнихъ построекъ весь лѣсъ и сплавляли его до Джаркента по р. Или.

У китайцевъ кульджинской провинціи всякая народность подчинена особому начальнику, благодаря чему существуютъ: завѣдывающій киргизами, сибяцами и проч. Таранчи были раздѣлены на сотни (юзы), завѣдываемыя беками, и подчинены всѣ хахимъ-беу.

По взятіи Кульджи русскими таранчинское населеніе раздѣлено было на волости и старшинства (аксакальство),

каковой порядокъ общественнаго управленія введенъ былъ у нихъ и по переселеніи изъ Кульджи, съ сохраненіемъ народнаго суда чрезъ казіевъ. Должности общественнаго управленія и судебныя замѣщаются у таранчей и дунганъ по выборамъ, которые, сравнительно съ киргизскими, проходятъ довольно мирно и безъ особыхъ интригъ и кляузъ. Это по нашимъ наблюденіямъ въ теченіе восьмилѣтняго управленія джаркентскимъ уѣздомъ объясняется характеромъ и историческою судьбою народа.

Таранчи, благодаря продолжительному рабству у китайцевъ, выглядятъ забытыми и довольно безучастны къ общественнымъ дѣламъ и своему управленію, тѣмъ болѣе, что при китайскомъ владычествѣ всѣ власти назначались китайцами и никакихъ выборовъ не существовало. Дунгане, по своему прямодушію и рѣшительности, не способны къ кознямъ и интригамъ и всякое ихъ намѣреніе выливается въ открытыхъ дѣйствіяхъ, которыя, при незаконности направленія, всегда возможно своевременно парализовать. Народный судъ дунганъ и таранчей (судъ казіевъ) въ формахъ своихъ и въ существѣ народныхъ обычаевъ очень сходенъ съ киргизскимъ судомъ біевъ, но, вѣроятно, подъ влияніемъ ахуновъ (особенно у таранчей) руководствуются болѣе шаріатомъ, чѣмъ адатомъ.

Однакожъ, при русскомъ управленіи кульджинскимъ раіономъ всѣ три народности охотно разбирались общимъ судомъ біевъ и казіевъ. Такая общность народнаго суда сдѣлалась совершенно невозможной съ введеніемъ въ дѣйствіе степного положенія, 25 марта 1901 г., на основаніи котораго народнымъ судомъ вѣдаются между собою только туземцы, принадлежащіе къ одной и той же народности.

Въ заключеніе нашего очерка самъ-собою напрашивается вопросъ: что выгадали Россія и нашъ Туркестанъ отъ переселенія въ Семирѣчье пятидесятитысячной массы таранчей и дунганъ?

Отвѣчать на этотъ вопросъ мы не беремся, предоставляя это людямъ знакомымъ, повидимому, съ политическою жизнью Китая, на которой не могло не отразиться исчезновение съ китайской территории полусотни тысячъ населенія кульджинскаго края.

Вотъ что писалъ г. Д. Ш. въ „Новомъ Времени“¹⁾:

„Въ кульджинскихъ переселенцахъ мы встрѣтили людей труда, трезвой и честной жизни. Въ экономическомъ смыслѣ они представляютъ значительную производительную силу. Огромныя равнины, остававшіяся съ древнихъ временъ пустынными подъ палящимъ солнцемъ, эти обнаженные степи, которыя человѣкъ торопился скорѣе миновать, чтобы стряхнуть тоску—до того онѣ давили его своими мертвенностью и уныніемъ,—теперь какъ бы ожили отъ вѣкового сна и превратились въ цвѣтуція нивы. Гдѣ была выгорѣвшая отъ зноя пустыня, на которую изрѣдка выскочить желтая ящерица и проворно юркнетъ въ пору, проползеть, извиваясь кольцами змѣя, или, ни вѣсть откуда покажется, воровски озираясь по сторонамъ, голодный, худой, съ облѣзшей шерстью шакалъ, тамъ въ настоящее время вы видите всѣ сокровища земледѣльческой культуры: семениа, оживленные присутствіемъ здороваго, сытаго народа, зеленѣющіе яркою, почти тропическою зеленою сады, манящіе васъ подъ свою благодатную тѣнь. Воздухъ пропитанъ ароматами полевыхъ цвѣтовъ.

Казна также можетъ ожидать не одну сотню тысячъ въ годъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что, такъ какъ пустопорожниа земли первобытнаго характера, можетъ быть опустошенныя историческими событіями древнѣйшихъ временъ, еще занимаютъ довольно значительныя пространства семирѣченской области, то попадающіеся оазисы могутъ произвести впечатлѣніе только на тѣхъ, кто былъ въ этой странѣ ранѣе и, подобно пишущему эти строки, испыталъ всѣ прелести пустыни.

¹⁾ № 8764 отъ 22 іюля 1900 г.

Надо полагать, что и въ политическомъ отношеніи мы тоже не остались въ убытъ. Эмиграція, устремившаяся подъ защиту русской власти, фактически доказала истонное тяготѣніе азіатскихъ народностей къ Россіи и конечно ок аза-ла большое вліяніе на упадокъ довѣрія къ государственному значенію Китая. Едва ли преувеличимъ, если скажемъ, что переселеніе, а также не прекращающееся глухое броженіе среда подвластныхъ Китаю вуджинскихъ племенъ, можетъ послужить прологомъ паденія престижа богдыхана.

Кромѣ того, отъ переселенцевъ мы можемъ въ будущемъ ожидать хорошей военной силы. Когда это населеніе сольется съ русскимъ элементомъ и привыкнетъ къ мысли о воинской повинности,—оно представитъ собою прекрасный военный матеріалъ. Народъ крѣпкій, здоровый, смышленный, преданный вамъ издавна, не знающій страха при встрѣчѣ съ опасностью, особенно дунгане, которые къ тому же и лихіе наѣздивы,—въ рукахъ дѣльнаго командира, снабженные хорошимъ вооруженіемъ и вышедшіе изъ русской военной школы,—эти люди покажутъ себя грознымъ противникомъ нашихъ враговъ“.

Знающимъ нравы, обычаи и жизнь пограничнаго населенія приилійскаго края трудно не согласиться съ приведеннымъ взглядомъ на возможные послѣдствія вуджинскаго переселенія.

И. Селицкий.
